

ЮРГЕН ХАБЕРМАС

Постнациональная конstellация и будущее демократии*

«All politicians move to the center to compete on the basis of personality and of who is best able to manage the adjustment in economy and society necessary to sustain competitiveness in the global market... The concept of a possible alternative economy and society is excluded».

Robert Cox, 1997.

[Все политики сдвигаются по направлению к центру с тем, чтобы соревноваться на личностном уровне и на предмет того, кто лучше всех в состоянии произвести подстройку экономики и общества, необходимую для того, чтобы поддерживать конкурентоспособность на глобальном рынке... Концепции возможных альтернатив для экономики и общества исключены]

Роберт Коокс, 1997.

В 1929 году появляется примечательная рукопись под названием «Критика социологии». В ней Зигфрид Ландсхут развивает тезис о том, что социология благодаря определенной перспективе только и порождает свой предмет, общество. Философская постановка вопроса о разумном праве — о том, как средствами позитивного права может возникнуть ассоциация свободных и равных граждан — очерчивает горизонт связанных с эмансипацией ожиданий, который направляет взгляд на сопротивление действительности, выходящей неразумной. Таким будет и взгляд социологии. В гегелевской «Философии права» эта взаимосвязь еще очевидна. Ведь Гегель придает классическому понятию совершенно иной, современный смысл, когда описывает «гражданское общество» как «нравственность, замкнутую в собственных крайностях». Ландсхут прослеживает развитие социологии от этого тезиса через

* Перевод выполнен Б. М. Скуратовым по изданию: Habermas, Jürgen. Die Postnationale Konstellation und die Zukunft der Demokratie, aus: Habermas, Jürgen. Die Postnationale Konstellation. Politische Essays. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1998. S. 91–163. Перевод подготовлен для публикации издательством «Праксис» в качестве части сборника статей Юргена Хабермаса, готовящегося к печати в 2004 г.

Маркса и Лоренца фон Штейна до Макса Вебера, чтобы показать, что та социология, которая все более утрачивает гегелевскую веру в разумность действительного, все сильнее стирает следы, напоминающие об истории своего конституирования, наконец, утаивает нормативную предвзятость, без которой «общество», отличающееся от «государства», никоим образом не может предстать в виде совокупности детерминант неравенства и гнета. И все-таки как прежде, так и теперь социология разрабатывает тему разочарования в «бессилии» долженствования, связанного с разумным правом: «Общество — это всего лишь рубрика, под которой сводятся напряжения, противоречия и сомнительные вещи, получающиеся в результате воздействия идей свободы и равенства»¹.

Маргарет Тэтчер, должно быть, интуитивно поняла такую взаимосвязь, когда выдвинула лозунг, что поэтому «вовсе не существует» ни общества, ни чего-либо подобного. Среди политиков она представляет собой подлинно «постмодернистское» явление. И в сфере публичной политики конфликты, вырисовывающиеся сегодня на национальном, европейском и международном уровне, черпают свою тревожащую силу только на фоне нормативного самопонимания, согласно которому социальное неравенство и политическое угнетение не даны «от природы», а продуцируются в обществе — и потому они, в принципе, устранимы. Но, начиная с 1989 года, как будто бы все больше политиков говорят: «Если нам теперь не по силам разрешать конфликты, то мы, по крайней мере, должны притупить остроту критического взгляда, превращающего конфликты в *вызовы*».

Мы всё еще воспринимаем как политический вызов то, что в ФРГ наряду с 2,7 млн. получателей социальной помощи, есть и еще миллионы граждан, живущих ниже официальной черты бедности; то, что не зависящий от сезона ежемесячный прирост зарегистрированных безработных сопровождается еще более стремительным повышением курса акций и предпринимательских доходов; что за прошедший год преступления правых экстремистов возросли на треть и т. д. Как вызов мы ощущаем и все более углубляющуюся разницу в благосостоянии между зажиточным Севером и страдающими от саморазрушения нищими регионами Юга, и культурные конфликты, намечающиеся между в значительной степени секуляризованным Западом и пронизанным фундаменталистскими движениями исламским миром, с одной стороны, а с другой — с социоцентрическими традициями Дальнего Востока — не говоря уже о тревожных сигналах немилосердно тикающих экологических часов, как и о «ливанизации» регионов, распадающихся в гражданских войнах и этнонациональных конфликтах.²

Однако же, список проблем, что обрушиваются сегодня на каждого читателя газет, можно трансформировать в политическую повестку дня только при наличии адресата, который все-таки считает себя способным — и которого другие считают способным — на целевое преобразование общества. Диагноз социальных конфликтов преобразуется в список соответствующих им политических вызовов лишь благодаря тому, что эгалитарные интуиции ра-

¹ S. Landshut. Kritik der Soziologie. Neuwied, 1969. S. 85.

² U. Menzel. Globalisierung vs. Fragmentierung. Frankfurt/M., 1998.

зумного права сочетаются с еще одним условием — с предположением о том, что граждане, объединившись в демократическом сообществе, способны формировать свою социальную среду и смогут развить у себя способность к действию, необходимую для вмешательства в конфликты. Юридическому понятию «самозаконодательства» надо придать политическое измерение, расширив его до понятия общества, воздействующего на себя демократическими методами. Только тогда из существующих конституций можно будет вывести реформистский проект осуществления «справедливого» или «благоустроенного» общества.³ В Европе в послевоенный период политики всех мастей при построении социального государства руководствовались этим динамическим прочтением демократического процесса. И наоборот, успехом такого, если угодно, социал-демократического проекта подпитывалась и концепция такого общества, которое — с согласия своих граждан, объединенных на демократических началах — будет оказывать осознанное влияние само на себя.

Как бы там ни было, массовая демократия, свойственная государству «всеобщего благосостояния» западного типа, находится в конце развития, начавшегося двести лет назад вместе с возникшим в результате революции национальным государством. Нам следовало бы вспомнить о ситуации в начале этого процесса, если мы желаем понять, отчего сегодня социальное государство испытывает трудности. Противоречащее фактам содержание разработанного Руссо и Кантом понятия республиканской автономии может утверждаться против многоголосого опровержения со стороны совершенно иначе устроенной реальности лишь потому, что это содержание находит себе «местопребывание» в обществах, конституированных в виде национальных государств. Территориальное государство, нация и сложившееся в национальных границах народное хозяйство образовали тогда историческое сочетание, при котором демократический процесс смог принять более или менее убедительную институциональную форму.⁴ Также и идея о том, что демократически устроенное общество может с помощью одной из своих частей оказывать на себя рефлексивное влияние как на целое, до сих пор осуществилась только в рамках национального государства. Необходимость упомянутого сочетания оказалась сегодня поставлена под сомнение благодаря процессу, который между тем привлек широкое внимание, получив название «глобализации».

Возникшая ситуация носит парадоксальный характер. Тенденции, прокладывающие путь к постнациональному обществу, мы воспринимаем исключительно как политический вызов, поскольку все еще описываем их с привычной точки зрения национального государства. Как только осознается это обстоятельство, подрывается доверие демократии к самой себе, необходимое для того, чтобы воспринимать конфликты в качестве вызовов, т. е. проблем, ожидающих политической разработки: «For if state sovereignty is no

³ J. Rawls. Eine Theorie der Gerechtigkeit. Frankfurt/M., 1979.

⁴ U. Beck. Wie wird Demokratie im Zeitalter der Globalisierung möglich? in: ders. (Hg.). Politik der Globalisierung. Frankfurt/M., 1998. Einleitung, S. 7–66. Благодарю Ульриха Бека за дальнейшие ссылки на литературу.

longer conceived as indivisible but shared with international agencies; if states no longer have control over their own territories; and if territorial and political boundaries are increasingly permeable, the core principles of liberal democracy – that is self-governance, the demos, consent, representation, and popular sovereignty – are made distinctly problematic». [Ибо если государственный суверенитет уже не считается неделимым, но частично отдается международным организациям; если государства уже не контролируют собственные территории; и если территориальные и политические границы становятся все более проницаемыми, то центральные принципы либеральной демократии – самоуправление, demos, консенсус, представительство и народный суверенитет – становятся явно проблематичными]⁵. Поскольку идея о том, что общество может воздействовать само на себя демократически, до сих пор достоверным образом осуществлялась только в национальных рамках, постнациональная констелляция вызывает наблюдаемую нами на наших политических аренах сдержанную тревожность просвещенной растерянности. Гнетущая перспектива, согласно которой национальная политика в будущем сведется к более или менее разумному менеджменту вынужденного приспособления к императивам «осажденной крепости», лишает политические дискуссии последних остатков содержания. В вызывающей сетования «американизации» предвыборной борьбы отражается ситуация дилеммы, как будто бы уже не обещающая долгосрочных перспектив.

Однако же, альтернатива к натужной веселости той неолиберальной политики, что «развертывается» сама собой, могла бы состоять в нахождении подходящих для демократического процесса форм также и вне рамок национального государства. Наши общества, имеющие конституции национальных государств, но переворачиваемые сдвигами по направлению к денационализации, сегодня «открываются» в сторону подготовленного экономикой мирового общества. Меня интересует вопрос, желательно ли вновь политически «закрыть» это глобальное общество и как это в случае необходимости можно осуществить? В чем мог бы состоять политический ответ на вызовы постнациональной ситуации?

Сначала я напомним о классических признаках национального государства и о предпосылках для его существования, а также поясню, какие процессы мы связываем с термином «глобализация» (I). На этом фоне будет продемонстрировано, как изменение ситуации, происходящее сегодня у нас на глазах, затрагивает условия функционирования и легитимности демократий, связанных с национальными государствами (II). Как бы там ни было, чересчур обобщенные реакции на ощутимые ограничения пространства для действий национальных правительств дальновидными не назовешь. В вопросе же о том, может ли и должна ли политика «следовать примеру» не поддающихся контролю рынков, мы должны принимать во внимание баланс между открытостью и замкнутостью социально интегрированных жизненных форм (III). Альтернативу бесперспективному приспособлению к императивам «конкуренции между осажденными крепостями» я хотел бы обри-

5 A. McGrew. Globalization and Territorial Democracy, in: ders. (Hg.). The Transformation of Democracy? Cambridge, 1997. P.12.

совать в три этапа: сначала в отношении будущего Европейского Союза (IV), а затем в отношении возможностей некоей транснациональной мировой внутренней политики, которая вмешивается даже в модус конкуренции между осажденными крепостями (V).

I

Даже если некоторые государства и напоминают сегодня древние империи (Китай), города-государства (Сингапур), теократии (Иран) или племенные организации (Кения), или же если в них проявляются черты семейных кланов (Сальвадор) или мультинациональных концернов (Япония), то члены Организации Объединенных Наций все равно образуют объединение национальных государств. Этот тип государства, возникший в результате Французской и Американской революций, распространился по всему миру. Не все национальные государства были или являются демократическими, т. е. не все они имеют конституцию, основанную на принципах ассоциации свободных и равных граждан, осуществляющих самоуправление. Но повсюду, где возникли демократии западного образца, они приняли форму национального государства. Очевидно, национальное государство отвечает важным предпосылкам для успеха демократического самоуправления общества, формирующегося в его границах. Национально-государственное устройство демократического процесса можно схематически проанализировать с четырех точек зрения. А именно: современное государство возникло как (а) государство управления и сбора налогов и (b) как наделенное суверенитетом на определенной территории государство, которое (c) может развиваться в рамках национального государства по направлению (d) к демократическому правовому и социальному государству.⁶

(а) Прежде чем то или иное общество сможет политически воздействовать само на себя, должна выделиться определенная подсистема, специализирующаяся на решениях, которым присуща коллективная обязательность. Сложившееся в формах позитивного права административное государство можно понимать как результат такой функциональной спецификации. Отделение государства от общества в то же время означает выделение рыночного хозяйства, институционализированного посредством субъективных частных прав. В индивидуалистическом характере правовой системы отражается функциональный императив саморегулирующихся рынков, которые вынуждены прибегать к децентрализованным решениям их участников. Право — это не только организационное средство управления. Оно защищает приватизированное общество от государства, направляя взаимодействие между ними в колею закона. Поэтому современное государство уже как таковое «настроено» на правовое государство. Разделение политических и экономических функциональных сфер имеет два важных последствия. С одной стороны, за государством остаются важнейшие компетенции публично-административного регулирования на основе монополии на средства применения леги-

⁶ О нижеследующем J. Habermas. *Der europäische Nationalstaat*, in: ders., *Die Einbeziehung des Anderen*. Frankfurt/M., 1996. S. 128ff.

тимной власти. С другой же стороны, функционально специализированная публичная власть государства управления зависит от ресурсов выведенного в частную сферу экономического обращения.

(b) Всякое «самовоздействие» общества предполагает отчетливо определенное «само-», т. е. относительные размеры воздействия. Понятие общества, как сети взаимодействий, развертывающихся в социальном пространстве и попадающих в историческое время, слишком уж неконкретно. А ведь представление о «демократическом» самовоздействии напоминает о рационально-правовой идее об ограниченном множестве людей, объединяющихся с намерением предоставить друг другу как раз такие права, которые необходимы для того, чтобы они смогли легитимно урегулировать свое сосуществование средствами позитивного права.⁷ Но если учитывать условия осуществления позитивного, т. е. императивного права, то социальное отграничение политического сообщества следует сочетать с территориальной ограниченностью области, контролируемой государством. Поскольку государственная территория очерчивает сферу действия государственным образом санкционированного правопорядка, государственную принадлежность следует определять через территорию государства. В границах территориального государства складывается, с одной стороны, народ государства в качестве потенциального субъекта законодательства, вырабатываемого гражданами, объединенными на демократических началах; с другой же стороны, общество в качестве потенциального объекта воздействия этих граждан.

Кроме того, из территориального принципа вытекает отделение международных отношений от отношений на национальной территории; соответственно этому, внешняя и внутренняя политика регулируются разными предпосылками. Во внешней политике, по отношению к остальным субъектам международного права, суверенитет государства основывается на праве на взаимное признание незыблемости государственных границ. Этот запрет на вмешательство в дела другого государства не исключает *jus ad bellum*, т. е. «права» в любое время вести войну. Статус суверенитета обеспечивается фактически подлежащей доказательству автономией государственной власти. Эта автономия измеряется по способности государственной власти защищать границы от внешних врагов и поддерживать внутри страны «закон и порядок».

(c) Демократическое самоопределение может иметь место лишь в том случае, если народ государства преобразуется в нацию граждан, которые самостоятельно распоряжаются своими судьбами. Однако же, политическая мобилизация «подданных» требует и культурной интеграции населения, поначалу наскоро собранного. Именно это пожелание и выполняет идея нации, с помощью которой подданные государства – выходя за рамки наследственной лояльности по отношению к деревне и семье, к местности и династии – образуют новую форму коллективной идентичности. Культурные символы «народа», заручающегося предположительно общим происхождением, языком и историей своего уникального характера (все это называется его «народным духом»), в любом случае порождают некое воображаемое единство и благодаря этому способствует осознанию жителями одной и той

⁷J. Habermas. *Faktizität und Geltung*. Frankfurt/M., 1992. S. 151ff

же государственной территории их взаимопринадлежности, до сих пор остававшейся абстрактной и опосредованной лишь юридически. Только символическое построение «народа» превращает то или иное современное государство в государство национальное.

Национальное сознание наделяет конституированное в формах современного права территориальное государство культурным субстратом для гражданской солидарности. Тем самым связи, сформировавшиеся между членами того или иного конкретного сообщества, т. е. на основе личного знакомства, преобразуются в новую, более абстрактную форму солидарности. Хотя представители одной и той же «нации» являются и остаются друг другу чужими, они ощущают столь высокую ответственность друг за друга, что готовы на «жертвы» — например, нести воинскую повинность или налоговое бремя, образовавшееся в результате разделения труда. В Федеративной республике Германии сбалансирование финансов между землями служит примером того, что ожидает сразу и эгалитарный, и универсальный правопорядок от готовности граждан этой страны постоять друг за друга.

(d) Ассоциация свободных и равных юридических лиц окончательно складывается только при демократическом модусе легитимации господства. При переходе от княжеского суверенитета к народному суверенитету права подданных, рассматриваемые в качестве идеальных типов, преобразуются в права человека и гражданина, т. е. в либеральные и политические гражданские права. Последние — наряду с частной автономией — теперь гарантируют и равную политическую автономию. Государство с демократической конституцией, по своей идее, представляет собой строй, желанный самим народом и легитимированный свободным образованием общественного мнения и свободным волеизъявлением; строй, который позволяет адресатам права воспринимать друг друга еще и в качестве его авторов. Однако же, поскольку капиталистическое хозяйство следует собственной логике, оно не может «просто так» соответствовать этим условиям, предъявляющим к нему высокие требования. Более того, политика должна заботиться о том, чтобы социальные условия возникновения частой и публичной автономии выполнялись в достаточной степени. В противном случае существенное условие легитимности демократии оказывается под угрозой.

Не должны проявляться систематическое ущемление прав и дискриминация, которые не дают непривилегированным группам шансов фактически воспользоваться равным образом распределенными формальными правами. На диалектике правового равенства и фактического неравенства⁸ основывается задача социального государства: гарантировать такие социальные, технологические и экологические жизненные условия, которые только и делают возможным предоставляющее всем равные шансы использование равным образом распределенных гражданских прав. Основанный на самих равных правах интервенционизм социального государства расширяет возможности демократического законодательства, принимаемого гражданами национального государства, до демократического самоуправления общества, определяемого как национальное государство.

8 R. Alexy. *Theorie der Grundrechte*. Frankfurt/M., 1986. S. 378ff.

В Европе в послевоенный период демократический процесс в аспектах, описанных от (а) до (d), претерпел более или менее убедительную институционализацию. Однако же, с конца 1970-х годов эта форма национально-государственной институционализации все больше попадает под давление глобализации. Я использую термин «глобализация» для описания процесса, но не конечного состояния. Он характеризует растущий объем и интенсификацию транспортных, коммуникационных и обменных отношений за пределами национальных границ. Подобно тому, как в XIX веке железные дороги, пароходы и телеграф привели к сгущению и ускорению товарных и пассажирских перевозок, а также информационного обмена, — так и сегодня спутниковая техника, космические полеты и цифровая коммуникация опять-таки способствуют расширению и сгущению сетей. «Сеть» превратилась в ключевое слово, независимо от того, идет ли речь о путях перевозки товаров и пассажиров; о потоках товаров, капитала и денег; об электронном переносе и обработке информации, или же о кругообороте между человеком, техникой и природой. Временные ряды сопрягают тенденции к глобализации с четырьмя измерениями. Этот термин находит применение в равной степени и к межконтинентальному распространению телекоммуникации, массового туризма и массовой культуры, и к переходящим через государственные границы рискам, имеющим отношение к технике крупных предприятий и к торговле оружием, и к проявляющимся в мировом масштабе побочным воздействиям со стороны перегруженных экосистем, и к международному сотрудничеству правительственных или неправительственных организаций.⁹

Важнейшее измерение образует хозяйственная глобализация, новое качество которой сегодня вряд ли можно подвергать сомнению: «Глобальные экономические сделки — в сравнении с национально ориентированной деятельностью — происходят на уровне, каковой не был достигнут ни в одну из предшествовавших эпох, и опосредствованно или непосредственно влияют на народное хозяйство в до сих пор неслыханном масштабе»¹⁰. Напомню о четырех фактах. Расширение и интенсификацию межгосударственной торговли промышленными товарами можно продемонстрировать не только для последних десятилетий, но и по сравнению с периодом беспощинной торговли до 1914 года. Кроме того, имеется единодушие по поводу стремительно растущего количества и влияния транснациональных предприятий с глобальными производственными цепями, а также по поводу увеличения прямых инвестиций за границей. Наконец, нет сомнений относительно беспримерного ускорения движения капиталов на финансовых рынках, объединенных через электронные сети; нет сомнений и относительно тенденции к обособлению кругооборота финансов, где разворачивается собственная динамика, отделенная от реальной экономики. Совокупность этих про-

⁹ U. Beck. Was ist Globalisierung? Frankfurt/M., 1997.

¹⁰ J. Perraton, D. Goldblatt, D. Held, A. McGrew. Die Globalisierung der Wirtschaft, in: Ulrich Beck (Hg.) (s. Fn 4), S. 134–168; см. также D. Held. Democracy and Globalization, in: Global Governance 3, 1997, p. 251–267. В ограниченном объеме W. Streck. Industrielle Beziehungen in einer internationalisierten Wirtschaft, in: Beck (Hg.) (s. Fn 4), S. 169–202.

цессов приводит к значительному обострению международной конкуренции. Дальновидные экономисты еще два десятилетия назад отличали знакомые формы «международной» экономики от новой формации «глобальной экономики»: «The international economy had been the object of the regulatory systems built up nationally and internationally in the post-war years. The global economy was a very largely unregulated (and many would argue unregulateable) domain. The global economy was the matrix of 'globalization' as a late twentieth century phenomenon.»¹¹ [Международная экономика стала объектом регулятивных систем, построенных на национальном и на международном уровне в послевоенные годы. Глобальная же экономика была в очень большой степени нерегулируемой (и многие скажут — не поддающейся регулированию) сферой. Глобальная экономика явилась матрицей «глобализации» как феномена конца XX века].

Сами по себе эти тенденции еще ничего не говорят об ухудшении условий функционирования и легитимации демократического процесса как такового. Но они опасны для национально-государственной формы своей институционализации. По отношению к территориальной укорененности национального государства термин «глобализация» вызывает образ разливающихся рек, которые размывают дамбы пограничного контроля и могут вызвать обвал национального здания.¹² Новая релевантность отмечает сдвиг контроля из пространственного во временное измерение. Смещение приоритетов с «властителя территории» к «господину скорости» как будто бы свержает национальное государство с трона.¹³ Во всяком случае государственные границы — несмотря на то, что за ними невротически бдят национальные вооруженные силы — несравнимы с военными укреплениями. Как нетрудно убедиться на примере традиционной внешнеторговой политики, границы эти функционируют, скорее, как шлюзы, которые обслуживаются «изнутри», чтобы регулировать течение так, чтобы происходил лишь желательный приток и отток воды. Мы должны продемонстрировать в подробностях, ослабляют ли процессы глобализации (а если да, то как) способность национального государства поддерживать границы системы и автономно регулировать обменные процессы с внешним миром.

В каких отношениях это могло бы причинить ущерб способности национального общества к демократическому самоуправлению? Существуют ли функциональные эквиваленты на наднациональном уровне для дефицитов, проявляющихся на национальном уровне? Опасение, выражающееся в таких вопросах, просто напрашивается: «Is economic globalization an uncontrollable, inflexible force, to which liberal democracy is inevitably subordinate?»¹⁴ [Является ли глобализация неконтролируемой и негибкой силой, каковой

¹¹ R. Cox. Democracy in Hard Times, in: McGrew (Hg.) (s. Fn 5), p. 55.

¹² В этом смысле Джон Агню (Agnew) и Стюарт Корбридж (Corbridge) ассоциируют с упомянутыми процессами «the trend from boundaries to flows» [тенденция к переходу от границ к потокам]: *Mastering Space*, London 1995, p. 216. Другой образ «от шлагбаума к дисплею» намекает на виртуализацию.

¹³ Menzel (s. Fn 2), s. 15.

¹⁴ Cox (s. Fn 11), p. 51.

либеральная демократия всегда подчинена?] Ответы окажутся различными, если мы рассмотрим по порядку обозначенные от (а) до (d) условия функционирования и легитимности массовой демократии социального государства и при этом, не ограничиваясь (хотя и центральными) изменениями в международной хозяйственной системе, будем иметь в виду процессы глобализации в полном объеме.

II

Как затрагивает глобализация: (а) правовую безопасность и эффективность административного государства, (b) суверенитет территориального государства, (с) коллективную идентичность и (d) демократическую легитимность национального государства?¹⁵

По пункту а) речь прежде всего идет об эффективности публичного управления как средства воздействия демократических обществ на самих себя. Соотношение между частным и общественным секторами формируется весьма по-разному, в зависимости от доли валового внутреннего продукта, предоставляемого для государственного потребления (например, в США и Швеции). Но независимо от государственной квоты государство и общество, как прежде, остаются функционально отделенными друг от друга. В отличие от регулятивных функций, которые государство взяло на себя, например, для целей макроэкономического управления и перераспределения, — в классическом обеспечении порядка и организации и, в первую очередь, при государственной гарантии прав собственности и условий конкуренции совершенно не ощущается убывающая сила национального государства.

Как бы там ни было, из-за нарушений экологического круговорота и из-за подверженности крупной техники авариям возникли новые риски — каждый раз сразу для нескольких стран. «Чернобыль», «озоновая дыра» или «кислотные дожди» свидетельствуют о катастрофах и об изменениях в экологии, с которыми — из-за их интенсивности и радиуса действия — уже невозможно справиться в национальных рамках, и поэтому они предъявляют слишком высокие требования к возможностям отдельных государств.¹⁶ Государственные границы оказываются проницаемыми и в ином отношении. Это касается организованной преступности, в первую очередь — наркоторговли и торговли оружием. Хотя тема внутренней безопасности зачастую драматизируется по причинам предвыборной политики, население пока еще проявляет восприимчивость к популистским инсценировкам подобного толка. Но способность к политическому контролю — которой в указанных отношениях лишается национальное государство — может быть (как между тем оказывается) компенсирована на международном уровне. Глобальные режимы охраны окружающей среды работают, вероятно, ниже желаемой эффективности, но ни в коем случае не безрезультатно.

Иначе обстоит дело с возможностью для налогового аппарата исчерпать национальные ресурсы, из которых следует подпитывать управление. Уско-

¹⁵ О нижеследующем см.: M. Zürn. *Regieren jenseits des Nationalstaates*. Frankfurt/M., 1998.

¹⁶ U. Beck. *Risikogesellschaft*. Frankfurt/M., 1986.

ренная мобильность капитала затрудняет государственный доступ к прибылям и денежным состояниям, а обостренная конкуренция между регионами приводит к свертыванию государственных доходов от налогов. Одна лишь угроза оттока капиталов приводит в действие спираль снижения расходов (а, кроме того, преследование неплательщиков налогов грозит пронизать все действующее право). Налоги на наивысшие доходы, на капиталы и ремесла в странах ОЭСР настолько понизились, что доля в общем сборе налогов, получаемая с налогов на прибыль, с конца 1980-х годов ощутимо уменьшилась — и притом не в пользу доли, получаемой с налогов на предметы потребления и из подоходных налогов нормальных зарабатывающих. Лозунг «гибкого государства» объясняется не столько оправданной критикой немобильной администрации, которой предстоит усвоить новые навыки по менеджменту¹⁷, сколько — в большей степени — фискальным давлением, оказываемым хозяйственной глобализацией на подлежащие налогообложению ресурсы государства.

По пункту б). Говоря о «ниспровержении» национального государства, мы прежде всего думаем о давно отмечаемых изменениях системы государств, возникшей благодаря Вестфальскому миру. Черты этой системы отражаются как в определениях классического международного права, так и в описаниях, свойственных политологическому реализму.¹⁸ Согласно этой модели, мир государств состоит из независимых национально-государственных акторов, которые в анархическом окружении, исходя из сохранения либо из расширения собственной власти, принимают более или менее рациональные решения. В этой картине изменяется не слишком многое и тогда, когда государства играют, скорее, экономическую роль максимизаторов прибыли, нежели политическую роль концентраторов власти. Хотя в этих случаях картине лучше соответствуют кооперативные стратегии¹⁹, но положения о стратегическом взаимодействии независимо действующих сил она не затрагивает. Упомянутая общепринятая картина уместна для сегодняшней ситуации менее, чем когда-либо.²⁰ Хотя суверенитет и монополия на власть, принадлежащая государству, формально остались без изменения, растущие взаимозависимости в сфере мировой политики ставят под сомнение предположение о том, что национальная политика вообще еще может территориально — в границах территории государства — совпадать с фактической судьбой национального общества.

Здесь достаточно банального примера с атомным реактором, который решило построить правительство соседней страны рядом с нашей границей, руководствуясь иными, нежели обязательные для нас, методами планирова-

¹⁷ Zukunftskommission der Friedrich-Ebert-Stiftung (Hg.). *Wirtschaftliche Leistungsfähigkeit, sozialer Zusammenhalt und ökologische Nachhaltigkeit*. Bonn, 1998. S. 204–222.

¹⁸ См. основополагающие труды: H.J. Morgenthau. *Politics among Nations*. New York, 1949; K.E. Waltz. *Man, the State and War*. New York, 1959.

¹⁹ R.O. Keohane. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton, 1984.

²⁰ E.O. Czempiel. *Weltpolitik in Umbruch*. München, 1993; S. Laubach-Hintermeier. *Kritik des Realismus*, in: C. Chwaszcza, W. Kersting (Hg.). *Politische Philosophie der internationalen Beziehungen*. Frankfurt/M., 1998. S. 73–95.

ния и стандартами безопасности. В мире, все гуще переплетаемом в экологическом, экономическом и культурном отношениях, государства, принимающие законные решения, все реже совпадают по своему социальному и территориальному объему с лицами и регионами, которые могут быть потенциально затронуты последствиями этих решений. Поскольку национальное государство обязано принимать свои решения по территориальному принципу, в мировом сообществе, где страны взаимозависимы, все реже наблюдается конгруэнтность между акторами и теми, кого эти действия затрагивают.²¹ Построение теорий не должно попадать в «территориальную ловушку»: «The territorial state has been 'prior' to and a 'container' of society only under specific conditions.»²² [Территориальное государство «предшествует» обществу и «содержит» его только при специфических условиях]. За пределами национальных государств посредством образования военных блоков или благодаря экономическим связям — через НАТО, ОЭСР или так называемую Триаду²³ — образуются другие границы, приобретающие для наций почти столь же большое значение, как границы собственной территории.

На региональном, международном и глобальном уровне возникли «режимы», делающие возможным «правление вне рамок национального государства» (Михаэль Цюрн) и хотя бы отчасти компенсирующие утрату национальной дееспособности в нескольких функциональных сферах.²⁴ В экономической сфере это касается Международного Валютного Фонда и Всемирного Банка (1944) или возникшей из соглашения ГАТТ (1948) Всемирной Торговой Организации, а в других областях — Всемирной Организации Здравоохранения (1946), Международного Агентства по Атомной Энергии (1957), или же «специальных агентств» ООН, к примеру, Агентства по Всемирной Координации Гражданских Воздушных Полетов. Практика многоуровневой, напоминающей вложенные друг в друга коробки, политики, которая стала привычной наряду с ООН или на более низком, чем ООН, уровне, может залатать пробелы в эффективности, возникшие из-за утраты автономии национальным государством, — по крайней мере, в некоторых отношениях, а то и (как мы еще покажем) в действительно важных отношениях позитивной координации хозяйственной и социальной политики. Но не обязывающие международные соглашения вроде принимаемых на встречах «Большой Семерки», или сплоченность режимов в организациях НАФТА и АСЕАН, или даже политические структуры типа Европейского Союза могут объяснить, отчего стирается формирующая национальное государство граница между внутренней и внешней политикой, а также почему классическая дипломатия сплетается в единую сеть, например, с культурной и внешнеторговой политикой. Очевидно, классическая властная политика не только нормативно вплетена в действия ООН, направленные на урегулирование, но и вытеснена применением «мягкой власти», что еще эффективнее.

²¹ D. Held. *Democracy, the Nation State and the Global System*, in: Held (Hg.). *Political Theory Today*. Cambridge, 1991. P. 197–235.

²² Agnew and Corbridge (s. Fn 12), p. 94.

²³ Имеются в виду «три центра» силы из числа развитых индустриальных стран Запада и Востока — США, Западная Европа и Япония. — *Прим. ред.*

²⁴ См.: Zürn (s. Fn 15).

Правда, сдвиги в компетенциях с национального на наднациональный уровень приводят к пробелам в легитимности. Наряду со множеством международных правительственных организаций и постоянных правительственных конференций, усилили влияние и неправительственные организации, такие, как Всемирный Фонд Природы, «Гринпис» или «Эмнести интернэшнл»; они сложным образом включены в сеть неформальных регулирующих инстанций. Однако новые формы международного сотрудничества нуждаются в легитимации, которая тоже лишь отдаленно удовлетворяла бы требованиям процедур, институционализированных посредством национального государства.²⁵

По пункту с). Вопрос о дефиците демократии встает не только по отношению к межправительственным урегулированиям, которые основаны на соглашениях между коллективными акторами и без этих соглашений не могут иметь легитимирующую силу, совместимую с конституцией гражданского общества. Кроме того, возникает вопрос, воздействует ли глобализация еще и на культурный субстрат гражданской солидарности, сформировавшийся в рамках национальных государств. С точки зрения институциональной возможности демократического самоопределения, политическая интеграция граждан общества, занимающего большую территорию, принадлежит к бесспорным историческим достижениям национального государства. Однако же, сегодня признаки политической фрагментации дают первые трещины в стенах «наций».

При этом я имею в виду, в первую очередь, отнюдь не межнациональные конфликты, как в Стране Басков или в Северной Ирландии. Мы не убавим важности и серьезности от этих конфликтов, если будем рассматривать их как позднейшие последствия насильственного образования национальных государств, которые привели к историческим выкидышам. С нормативной точки зрения, то пресловутое «право» на самоопределение, что определяло и новое устройство Европы после Первой мировой войны и причинило много бед, представляет собой безобразие. Разумеется, отделение зачастую бывает оправдано историческими причинами — как в случаях колониального захвата или по отношению к туземцам, которые были включены в государство, когда никто не спрашивал их согласия. Но как правило, требования «национальной независимости» легитимируют себя, исходя исключительно из угнетения меньшинств, которым центральное правительство не предоставляет равных прав, в особенности — культурного равноправия.²⁶ Столь же мало я думаю об этнонациональных конфликтах, которые — как в бывшей Югославии — бушуют в условиях хаотического распада старых режимов господства. Для этого тоже достаточно объяснений локальными причинами. Однако же, в других феноменах вмешиваются глобальные причины.

В наших обществах благосостояния множатся этноцентрические реакции населения той или иной страны против всего чужого — ненависть и насилие, обращенные на иностранцев, на иноверцев и людей с другим цветом

²⁵ M. Imber. Geo-governance without Democracy, in: McGrew (Hg.) (s. Fn 5), p. 201ff.

²⁶ A. Margalit; J. Raz. National Self-Determination, in: W. Kymlicka (Hg.). The Rights of Minority Cultures. Oxford, 1995. P. 79–92; A. Buchanan. The Morality of Secession, in: idem. P. 350–374.

кожи, но также на маргинальные группы, на лиц, не имеющих полных прав, и опять-таки на евреев. В этой связи встречаются еще и процессы десолидаризации, которые разгораются вокруг вопросов перераспределения и могут привести к политической фрагментации общества. Примерами могут служить «Северная лига», стремящаяся отделить зажиточный в экономическом отношении Север Италии от остальной страны, — или же у нас требование ревизии выравнивания бюджета между землями, а также решение съезда партии СвДП об отмене так называемой «надбавки солидарности»²⁷.

Рекомендуется различать два аспекта: с одной стороны, когнитивные диссонансы, ведущие при столкновении различных культурных форм к закалке национальной идентичности; с другой — гибридные дифференциации, которые размывают сравнительно гомогенные жизненные формы вследствие того, что культуры отдельных стран ассимилируют всемирную материальную культуру, превратившуюся в безальтернативную.

(с-1) Бедствия, вызванные репрессиями, гражданскими войнами и нищетой, не являются локальными уже потому, что СМИ заботятся о том, чтобы разница в уровне благосостояния между Севером и Югом, Западом и Востоком, ощущалась во всемирном масштабе. Это если и не вызовет широкие миграционные потоки, то все-таки ускорит их. Хотя основная масса эмигрантов даже не достигает границ обществ ОЭСР, но и в этих странах этнический, религиозный и культурный состав населения значительно изменился (из-за желанной, терпимой или безуспешно отклоняемой иммиграции). Этот дрейф характерен не только для классических стран иммиграции вроде США и старых колониальных стран типа Англии и Франции. Несмотря на негибкие (в нашем случае — противоречащие основным правам) законы об иммиграции, которые запирают на засовы крепость под названием Европа, почти все европейские нации между тем идут к поликультурным обществам. Разумеется, эта плюрализация жизненных форм происходит не без перебоев.²⁸ С одной стороны, государство с демократической конституцией в нормативном отношении лучше, нежели другие политические порядки, вооружено для решения интеграционных проблем такого рода; с другой же стороны, эти проблемы фактически бросают вызов национальным государствам классического типа.²⁹

С нормативной точки зрения, включение демократического процесса в общую политическую культуру имеет не исключаящий смысл, свойственный реализации национального законодательства, но инклюзивный смысл практики законодательства, имеющего в виду всех граждан в равной степени.³⁰ Инклюзия подразумевает, что политико-правовая система государства остается открытой для включения в нее граждан любого происхождения — без того, чтобы эти другие включались в единообразие однородного национального сообщества. Ибо вышеупомянутый, гарантируемый культурной од-

²⁷ Увеличение подоходного налога ради выравнивания уровней жизни в Западной и Восточной Германии после их объединения. — *Прим. перев.*

²⁸ J. Habermas. Die Asyldebatte, in: ders., *Vergangenheit als Zukunft*. München, 1993. S. 159–186.

²⁹ C. Offe. «Homogeneity» and Constitutional Democracy, in: *The Journal of Political Philosophy*, Vol.6, № 2, 1998, p. 113–141.

³⁰ J. Habermas. Inklusion – Einbeziehen oder Einschließen?, in: ders. (s. Fn 6), p. 154–184.

нородностью фоновый консенсус становится временной, играющей роль катализатора предпосылкой существования демократии; он становится излишним по мере того, как дискурсивно структурированное формирование общественного мнения и публичного волеизъявления делает возможным разумное политическое взаимопонимание в том числе и между чужими. Поскольку демократический процесс гарантирует легитимность уже в силу своих процессуальных свойств, при необходимости он может залатать дыры в социальной интеграции и – учитывая изменения в культурном составе населения – произвести общую для него политическую культуру.

С другой стороны, учреждение «поликультурного гражданства»³¹ требует такой политики и таких законов, которые до основания потрясут ставшую второй натурой национальную основу государственно-гражданской солидарности. В поликультурных обществах будет необходима «политика признания», так как идентичность каждого отдельного гражданина переплетена с коллективными идентичностями и ради стабилизации вынуждена попадать в сеть взаимного признания. То обстоятельство, что индивиды зависят от интересубъективно разделяемых традиций и от сообществ, формирующих идентичность, объясняет, отчего в культурно дифференцированных сообществах безупречность юридического лица невозможно гарантировать без равных культурных прав: «The individual's right to culture stems from the fact that every person has an overriding interest in his personal identity – that is in preserving his way of life and in preserving traits that are central identity components for him and other members of his cultural group.»³² [Право индивида на культуру вытекает из того факта, что каждой личности присущ первостепенный интерес к ее личной идентичности – т. е. к сохранению ее образа жизни, а также к сохранению форм, служащих центральными компонентами идентичности для нее и для других членов ее культурной группы.] Правда, политика, имеющая целью равноправное сосуществование жизненных форм различных этнических сообществ, языковых групп, конфессий и т. д., пускает в ход в исторически сложившихся национальных государствах столь же опасный, сколь и болезненный процесс. Разросшаяся до уровня национальной культуры культура большинства должна выделиться из своего исторически обусловленного сплава с всеобщей политической культурой, если все граждане страны должны иметь возможность идентифицироваться с политической культурой собственной страны в равной степени. По мере успешного осуществления этого процесса отрыва политической культуры от культуры большинства солидарность граждан перестраивается на абстрактной основе «конституционного патриотизма».³³ Если этот процесс потер-

³¹ W. Kymlicka. *Multicultural Citizenship*. Oxford, 1995.

³² A. Margalit; M. Halbertal. *Liberalism and the Right to Culture*, in: *Social Research*, 1993, p. 491–510. Равноправный доступ к культурным ресурсам оправдан по внутренней причине: сохранить собственную идентичность – но, в отличие от того, что предлагают некоторые либеральные теоретики, не инструментально – не как своего рода хранилище ценностей, из которого частные и автономные лица, принимающие решение, могли бы черпать для себя предпочтения высшего порядка; ср.: J. Raz. *Multiculturalism: a Liberal Perspective*, in: *Dissent*, Winter 1994, p. 67–79.

³³ См. мое интервью с Ж.М. Ферри в: J. Habermas. *Die nachholende Revolution*. Frankfurt/M., 1990. S. 149–156.

пит крах, то государственно-правовая структура развалится на отгораживающиеся друг от друга субкультуры. И все-таки он в любом случае выхолащивает субстанциальные общности нации как будущего сообщества.

(с-2) Глобализация ослабляет силу сплочения национальных сообществ и еще одним образом. Глобальные рынки, как и массовое потребление, массовая коммуникация и массовый туризм, способствуют мировому распространению или знакомству со стандартизованными изделиями (изготовленной преимущественно в США) массовой культуры. Одни и те же потребительские товары и стили потребления, одни и те же фильмы, телепрограммы и шлягеры распространяются по всему земному шару; одни и те же моды на поп- и техно-музыку или на джинсы охватывают и формируют ментальность молодежи даже в отдаленнейших регионах; один и тот же язык, так или иначе ассимилированный английский служит средством взаимопонимания между чрезвычайно далеко отстоящими друг от друга диалектами. Часы западной цивилизации задают темп для принудительной одновременности неодновременного. Поверхностный лоск единой культуры коммодификации накладывается не только на чуждые Западу регионы земного шара. Похоже, что лоск этот нивелирует национальные различия даже на Западе, так что очертания мощных локальных традиций все более расплываются. Новые исследования по антропологии массового потребления, однако же, обнаруживают примечательную диалектику между уравниловкой и творческой дифференциацией.³⁴

Антропология достаточно долго не сводила ностальгического взгляда с локальных культур, которые под давлением коммерческой гомогенизации якобы лишились корней и пресловутой подлинности. В последнее время она подчеркивает конструктивный характер и многообразие инновативных ответов, которые связывают привлекательность глобализации с локальными контекстами. В качестве реакции на обезличивающее давление, так сказать, всемирной материальной культуры зачастую образуются новые конфигурации, не только устраняющие существующие культурные различия, но и с помощью гибридных форм создающие новое многообразие. Это наблюдение касается не только Камеруна, Тринидада или Белиза, не только египетских или австралийских деревень,³⁵ но также и таких городов, как Москва или Лондон. Так, например, в одном исследовании густонаселенного, смешанного в этническом отношении западного предместья Лондона, расположенного неподалеку от аэропорта Хитроу, описывается процесс складывания новых культурных различий.³⁶ Автор в этой связи обрушивается на овеществляющий вымысел, утверждающий, будто этнические группы образуют связанные целостности с отчетливо отграничиваемыми культурами. Традиционному образу поликультурного дискурса он противопоставляет динамичную картину продолжающегося конструирования новых соотношений, субкультур и жизненных стилей. Протекание этого процесса поддерживается

³⁴ D. Miller. *Worlds Apart. Modernity through the Prism of the Local*. London, 1995: Introduction: Anthropology, Modernity and Consumption, p. 1–22.

³⁵ См. сообщения в Miller (s. Fn 32).

³⁶ G. Baumann. *Contesting Culture. Discourses of Identity in Multi-ethnic London*. Cambridge, 1996.

межкультурными контактами и полиэтническими связями. Он усиливает и без того характерное для постиндустриальных обществ продвижение к индивидуализации и к построению «космополитических идентичностей».³⁷

Тенденция к отгораживанию мнимо гомогенных субкультур друг от друга может объясняться обращением к реальным сообществам или конструированием сообществ воображаемых. Так или иначе она связывается с конструктивным выделением все новых коллективных жизненных форм и индивидуальных жизненных проектов. Обе тенденции усиливают центробежные силы в рамках национального государства. Они истощают ресурсы гражданской солидарности, если не удастся упразднить исторический симбиоз республиканизма с национализмом и переформировать республиканский настрой населения на основе конституционного патриотизма.³⁸

По пункту d). Демократический режим не сразу прибегает к ментальной укорененности в «нации», чтобы указать на некую общность дополитической судьбы. Именно сила государства с демократической конституцией должна благодаря участию его граждан в политике помочь закрыть пробелы в социальной интеграции. Сам демократический процесс — если только он сопряжен с либеральной политической культурой — может стать своего рода образцовой гарантией для сплоченности функционально дифференцированного общества в том случае, если все разнообразие интересов, культурных жизненных форм и мировоззрений предъявляет слишком высокие требования к естественному субстрату традиционных сообществ.³⁹ В сложных обществах основанное на принципах народного суверенитета и прав человека, консультативное формирование общественного мнения и волеизъявления граждан в конечном счете образует среду для абстрактной и устанавливаемой в законном порядке, а также репродуцируемой через политическое участие формы солидарности. Во всяком случае, если демократический процесс обязан обезопасить солидарность граждан от центробежных напряжений, он должен быть способным к стабилизации посредством собственных результатов. Опасность десолидаризации демократический процесс может предотвратить лишь до тех пор, пока он будет удовлетворять общепринятым меркам социальной справедливости.

Основные либеральные и политические права образуют основу гражданского статуса, который соотносится сам с собой постольку, поскольку

³⁷ J. Waldron. *Minority Cultures and the Cosmopolitan Alternative*, in: W. Kymlicka (Hg.) (s. Anm. 25), p. 105: «The cosmopolitan strategy is not to deny the role of culture in the constitution of human life, but to question, first, the assumption that the social world divides up neatly into particular distinct cultures, one to every community, and secondly, the assumption that everyone needs is just one of these entities — a single, coherent culture — to give shape and meaning to his life.» [Космополитическая стратегия нужна не для того, чтобы отрицать роль культуры в складывании человеческой жизни, но для того, чтобы поставить под сомнение, во-первых, предположение о том, что социальный мир отчетливо делится на конкретные частные культуры, по одной на каждое сообщество, а во-вторых, предположение о том, что каждому человеку требуется именно одна из этих единиц — уникальная и связанная культура — чтобы наделить его жизнь формой и смыслом».

³⁸ D. Oberndörfer. *Integration oder Abschottung?* in: *Zeitschrift f. Ausländerrecht und Ausländerpolitik*, 18. Januar 1998, s. 3–13.

³⁹ См. мой ответ Р.Й. Бернштейну в: J. Habermas (s. Fn 6), s. 310ff.

дает право гражданам, объединенным на демократических началах, формировать их статус законодательным способом. В более долгосрочной перспективе считается легитимным и учреждает солидарность лишь такой демократический процесс, который заботится о подобающем наделении граждан правами и о справедливом распределении прав. Чтобы оставаться источником солидарности, гражданский статус должен сохранять нечто вроде потребительной стоимости и «выплачиваться» также в виде социальных, экологических и культурных прав. Поэтому для политики социального государства характерна весьма значительная легитимационная функция. Разумеется, это касается не только ядра социального государства, перераспределительной социальной политики, имеющей жизненно важное значение для образа жизни граждан. «Социальная политика» в широком смысле простирается от политики рынка рабочей силы и молодежной политики — через политику здравоохранения, семейную и образовательную политику до охраны природы и городского планирования, а в широком смысле — на весь диапазон государственных организаций и сферы услуг, производящих блага для коллектива и обеспечивающих те социальные, естественные и культурные условия жизни, которые защищают от распада городскую среду, это публичное пространство цивилизованного общества. Многим инфраструктурам публичной и частной жизни будут грозить распад, разрушение и безнадзорность, если их регулировать через рынок. Однако же если в дальнейшем речь пойдет о «социальном государстве», то я буду иметь в виду не столько эти регулятивные функции, сколько центральные, осуществляемые государством функции перераспределения.

Как хозяйственная глобализация через свертывание доходов от налогообложения влияет на социальную политику государства — очевидно. Даже если в ФРГ пока еще речь не заходит об «отмене социального государства» с такой серьезностью, как в Англии и в США, все-таки во всех обществах ОЭСР с середины 1970-х годов наблюдается уменьшение социальных бюджетов, а также затрудненность доступа к системам страхования. Столь же важным, как кризис государственных бюджетов, оказался конец кейнсианской экономической политики. Под давлением глобализированных рынков национальные правительства все в большей степени утрачивают способность к политическому влиянию на общеэкономический оборот.⁴⁰ То, как свертывается внутривластное пространство для действий, влияющих на легитимность, можно продемонстрировать, с одной стороны, на взаимодействии социальной и экономической политики, а с другой — на взаимодействии экономической политики и развития рабочего движения.

Для послевоенного времени возникшая в Бреттон-Вудсе система твердых обменных курсов вместе с такими учреждениями, как Всемирный Банк и Международный Валютный Фонд, установила мировой экономический режим, позволивший соблюдать баланс между национальной хозяйственной политикой и либерализованной мировой торговлей. После того, как в нача-

⁴⁰ R.W. Cox. Global Restructuring: Making Sense of the Changing International Economy, in: R. Stubbs, G. Underhill (Hg.). Political Economy and the Changing Global Order. New York, 1994. P. 45–59.

ле 1970-х годов от этой системы отказались, возникла совершенно иная система, «транснациональный либерализм». Между тем, либерализация мирового рынка продвинулась дальше, мобильность капитала повысилась, а индустриальная система массового производства была перестроена согласно потребностям «постфордского гибкого производства». ⁴¹ На все более глобализуемых рынках баланс однозначно сдвинулся не в пользу автономии государственных деятелей и предоставляемого им хозяйственно-политического пространства действий. ⁴² В то же время мультинациональные корпорации стали серьезными конкурентами национальных государств. Но этот сдвиг власти лучше представим в понятиях теории средств, нежели в понятиях теории власти: деньги служат заменой власти. Регулирующая сила решений, обязательных для коллектива, работает по другой логике, нежели регулирующий механизм рынка. К примеру, демократизироваться может только власть, но не деньги. Поэтому возможности демократического саморегулирования отпадают сами собой по мере того, как регулирование общественных сфер перекладывается с одного средства на другое.

В условиях обострившейся глобальной конкуренции, которая превратилась в конкуренцию между «осажденными крепостями», предприятия оказались вынужденными повышать производительность труда и рационализировать общий процесс производства таким образом, что еще более ускоряется долгосрочная технологическая тенденция к высвобождению рабочей силы. Массовые увольнения подчеркивают растущий угрожающий потенциал «мобильного» производства по отношению к, в общем, ослабевшим позициям локально действующих профсоюзов. В такой ситуации, когда порочный круг, состоящий из роста безработицы, чрезмерных требований к пользованию системами страхования, а также свертывающихся вкладов, исчерпывает финансовую мощь государства, — мероприятия, которые стимулируют рост, тем не менее, чем меньше для них возможностей. Между тем, именно международные биржи занялись «оценкой» национальных экономических политик. В том числе и поэтому политика управления спросом, как правило, оказывает воздействие и на другие страны, что контрпродуктивно сказывается на национальном хозяйственном обороте. «Кейнсианство в одной отдельно взятой стране» уже невозможно. ⁴³

Вытеснение политики рынком проявляется еще и в том, что национальное государство все в большей степени утрачивает способность собирать налоги, стимулировать экономический рост и при этом гарантировать существенные основы своей легитимности, — но функциональных эквивалентов этому не возникает. Ибо в отношении двух упомянутых функций дефициты не компенсируются на наднациональном уровне. А именно: успешные круглые столы ГАТТ показывают, что между правительствами реализуются соглашения, которые устраняют препятствия для торговли и создают новые рынки. Однако такой негативной интеграции до сих пор соответствовали попытки интеграции позитивной только в экологических сферах. Даже со-

⁴¹ Agnew, Corbridge (s. Fn 12), p. 164–210.

⁴² E. Helleiner. From Bretton Woods to Global Finance, in: Stubbs, Underhill (s. Fn 38), p. 163–175.

⁴³ J. Neyer. Spiel ohne Grenzen. Marburg, 1996.

глашение по так называемому налогу Тобина не вступило в силу, не говоря уже о более всеохватывающих, корректирующих рыночные отношения соглашениях в таких областях, как налоговая, социальная и хозяйственная политика. Вместо этого национальные правительства уже в связи с имплицитной угрозой оттока капитала затеяли соревнования по дерегулированию экономики, понижающие расходы, приводящие к неприлично высоким прибылям и чудовищной разнице в доходах, к повышению безработицы и социальной маргинализации все более нищающего бедного населения.⁴⁴

По мере того, как разрушаются социальные предпосылки для широкого политического участия, даже формально правильно принимаемые демократические решения утрачивают достоверность: «Чтобы оставаться конкурентоспособными на непрерывно растущих мировых рынках, (государства ОЭСР) должны принимать меры, приносящие непоправимый ущерб сплоченности гражданских обществ. Поэтому наиболее настоятельная задача Первого мира в грядущем десятилетии представляет собой квадратуру круга из благосостояния, социальной сплоченности и политической свободы.»⁴⁵ Этот совершенно не ободряющий диагноз ведет со стороны политиков — к свертыванию социальных программ, а со стороны избирателей — к апатии или протесту. Всеобъемлющий отказ от политического оформления социальных отношений и готовность ликвидировать нормативные точки зрения ради приспособления к мнимо неумолимым системным императивам мирового рынка господствуют на публичных аренах западного мира. Клинтон или Блэр предлагают свои услуги в качестве дельных менеджеров, которые уже собираются как-то реорганизовывать морально устаревшее предприятие, полагаясь на бессодержательные формулы типа «It's Time for a Change»⁴⁶. Программному выхолащиванию политики, свертывающейся до уровня «политического изменения как такового», у избирателей соответствует намеренное воздержание или готовность реагировать на «личную ауру». Так происходит и без таких «радужных» фигур, как Росс Перо или Берлускони, которые начинали с нуля и символизируют предпринимательский успех. Когда отчаяние достаточно велико, стоит вложить немного денег на праворадикальные лозунги, и никому не известный инженер по дистанционному управлению из Биттерфельда, не располагающий ничем, кроме мобильного телефона, с первого раза мобилизует почти 13% протестных голосов.

III

Лозунг «бессилие посредством глобализации» — если наш анализ соответствует действительности — никоим образом не взят с потолка, даже если он и требует спецификации. Сужается фискальная основа социальной политики, и в то же время снижаются возможности экономического макроуправления. Кроме того, слабеет интеграционная сила традиционных национальных

⁴⁴ Относительно проблем, порождаемых конкуренцией между странами, см.: F.G. Scharpf. Demokratie in der transnationalen Politik, in Beck (Hg.) (s. Fn 4), s. 228–253.

⁴⁵ R. Dahrendorf. Die Quadratur des Kreises, in: Transit, 12, Winter 1996, s. 5–28.

⁴⁶ Пора что-то менять (англ.). — Прим. перев.

жизненных форм, а сравнительно однородный базис гражданской солидарности оказывается поколебленным. А ведь национальному государству с ограниченной свободой действий и с поставленной под сомнение коллективной идентичностью становится труднее удовлетворять требованиям к своей легитимации. Как же следует на это реагировать?

Образ властителя территории, власть которого ускользает за пределы его земель, вызвал появление двух противоположных риторических стратегий. Обе подпитываются понятиями классического учения о государстве. Защитная риторика – скажем, риторика министра внутренних дел ФРГ – исходит из защитительной функции государства, монополизировавшего власть; государства, которое в пределах собственной территории поддерживает закон и порядок и гарантирует безопасность гражданам в мире их частной жизни. Эта «партия» призывает политическую волю закрыть шлюзы против вламывающегося из-за границы и неконтролируемого «поджигательства». Протекционистский аффект направлен также и против торговцев оружием и наркоторговцев, которые ставят под удар внутреннюю безопасность, – а также против чрезмерной информации, против иностранного капитала, гастарбайтеров и волн беженцев, что якобы разрушают нашу родную культуру и понижают жизненный уровень. С другой стороны, наступательная риторика обрушивается на репрессивные черты суверенной государственной власти, подвергающей граждан всеуравнивающему давлению чрезмерного администрирования и заточающей их в темницу гомогенной жизненной формы. Либертарианский аффект приветствует открытие территориальных и социальных границ как эмансипацию в двух направлениях – как освобождение угнетенных от нормализующего насилия государственного регулирования, а также как освобождение индивидов от принудительной ассимиляции по образцу национального коллектива.⁴⁷

Позиции такого типа, огульно приветствующие или с отвращением отвергающие процессы глобализации, разумеется, чересчур недалековидны. При изменившейся постнациональной ситуации национальное государство не может отвоевать свою прежнюю силу посредством «политики круговой обороны». Неонациональный протекционизм не может объяснить, как мировое сообщество можно снова разложить на сегменты – разве что с помощью какой-то мировой политики, а ведь он (справедливо или нет) считает ее химерой. Столь же малоубедительна политика самоликвидации, растворяющей государство в постнациональных сетях. Неолиберализм эпохи постмодерна не может объяснить, как можно сбалансировать возникающие на национальном уровне дефициты управляемости и легитимации без новых, и притом опять-таки политических форм урегулирования на наднациональном уровне. Поскольку применение легитимной власти измеряется иными критериями успеха, нежели экономический, политическую власть невозможно «как угодно» заменить деньгами. Скорее, проведенному до сих пор анализу близка стратегия, которая парирует бесперспективное приспособление к императивам межтерриториальной конкуренции проектом транснациональной политики вхождения в глобальные сети и их разграни-

⁴⁷ Типичная книга на эту тему: M. Albrow. *Abschied vom Nationalstaat*. Frankfurt/M., 1998.

чения.⁴⁸ Правда, этот проект должен справиться с тонкой динамикой открывания и вторичного закрытия социально интегрированных жизненных миров. К национально-государственным акторам такой проект обращается с парадоксальным ожиданием: уже сегодня следовать программе в рамках своих актуальных возможностей действия, чтобы лишь впоследствии реализовать ее за этими рамками.

Семейные союзы, религиозные или городские общины, империи или государства могут открываться и закрываться по отношению к окружающим их мирам. Такая динамика изменяет горизонты жизненного мира, звенья социальной интеграции, свободные пространства для разнообразных жизненных миров и индивидуальных жизненных проектов. Укрепление или ослабление границ еще ничего не говорит об открытости или закрытости сообщества. В этом отношении интересна не столько непрерывность границ, сколько интерференция двух форм координации социального действия — «сетей» и «жизненных миров».⁴⁹ Горизонтальные отношения обмена и сообщения, которые устанавливаются между акторами, принимающими решения в децентрализованном порядке, через рынки, транспортные пути, сети коммуникации и т. д., зачастую стабилизируются через эффективно осуществляющиеся и позитивно оцениваемые последовательности действий. Такая форма «функциональной интеграции» общественных отношений с помощью сетей конкурирует с совершенно иной формой интеграции — с реализующейся через взаимопонимание, интересубъективно разделяемые нормы и общие ценности «социальной интеграцией» жизненного мира коллективов, сформировавших общую идентичность.

В европейской истории, начиная с позднего Средневековья, мы наблюдаем специфический процесс взаимоналожения этих двух форм интеграции — с характерным чередованием эффектов открывания и закрытия. Расширение сетей товарооборота, денежного оборота, оборота людей и новостей способствует мобильности, от которой исходит взрывная сила, тогда как пространственно-временные горизонты любого жизненного мира — сколько их ни растягивать — всегда образуют интуитивно наличное, но все-таки сжимающееся целое, из которого — с точки зрения участника — никакое взаимодействие никуда не выводит. Расширяющиеся и сгущающиеся рынки или коммуникативные сети пускают в ход модернизационную динамику открывания и закрытия. Приумножение анонимных отношений с «другими»,

⁴⁸ Аналогичной стратегии следует и Пьер Бурдьё, выдвигая тезис: «Можно бороться с национальным государством и при этом все-таки защищать его “универсальные” задачи, каковые, правда, могут быть выполнены с таким же, если не с большим, успехом и транснациональным государством. Если мы не хотим, чтобы Федеральный Банк с его политикой процентных ставок определял, что будет с бюджетами отдельных государств, то разве мы не должны выступить за создание наднационального государства, которое будет до некоторой степени независимым от международных экономических и от национальных политических сил и окажется в состоянии развить социальную сторону европейских политических институтов?» (P. Bourdieu. *Der Mythos «Globalisierung» und der europäische Sozialstaat*, in: ders., *Gegenfeuer*. Konstanz, 1998. S. 49f.).

⁴⁹ О формах социальной интеграции и о различии между сетями и корпоративными объединениями см.: B. Peters. *Die Integration moderner Gesellschaften*. Frankfurt/M., 1993. S. 96ff., 165ff.

дисгармоничный опыт общения с «чужими» обладает подрывной силой. Растущий плюрализм ослабляет аскриптивные связи с семьей, с жизненным пространством, социальным происхождением и традицией; он вызывает изменение формы социальной интеграции. При всяком новом модернизационном рывке intersубъективно разделяемые жизненные миры открываются, чтобы реорганизоваться и вновь закрыться.

Вокруг этого изменения формы классическая социология вращается все с новыми описаниями — от статуса к договору, от первичной группы к вторичной, от общины к обществу, от механической солидарности к органической и т. д. Импульс открывания исходит от новых рынков, средств коммуникации, путей сообщения и культурных сетей, — причем открытость даже для причастных к ней индивидов означает двоякий опыт с растущим коэффициентом случайности: это дезинтеграция предоставляющих опору, но ретроспективно авторитарных зависимостей; это избавление от гнета отношений одинаково ориентирующих и защищающих, но еще и создающих предрассудки и держащих в плену. Словом, освобождение из жизненного мира, которому присуща большая интеграция, отпускает индивидов в пространства, наделенные амбивалентностью растущего свободного выбора. Оно открывает этим индивидам глаза и в то же время повышает риск совершения ошибок. Но ведь это, по крайней мере, чьи-то собственные ошибки, на которых совершившие их могут чему-то поучиться. Каждый сталкивается с такой свободой, которая заставляет его полагаться на самого себя и изолирует от других, приучая его к целерациональному восприятию собственных на данный момент интересов, — но в то же время помогает завязать новые социальные связи и конструктивным образом составить новые правила совместного проживания.

Если такой рывок не выбьет либерализацию из колеи социально-патологическим образом, т. е. не застрянет на фазе недифференцированности, в отчуждении и беззаконии, то реорганизация жизненного мира должна проходить в тех измерениях самосознания, самоопределения и самореализации, что сформировали нормативное самопонимание модерна.⁵⁰ Жизненный мир, дезинтегрированный под давлением, возникшим после его открывания, необходимо снова закрыть, на этот раз — в расширенных горизонтах. При этом свободные пространства расширяются во всех трех измерениях — пространства для рефлексивного усвоения традиций, стабилизирующих идентичность; пространства автономии для взаимного общения, соотносящиеся с нормами социального общежития; наконец, пространства для индивидуального оформления личной жизни. Более или менее удачные учебные процессы при этом запечатлеваются в образцовых жизненных формах. Множество жизненных форм бесследно исчезают в перипетиях истории; другие сохраняют притягательную силу в памяти потомков. В этом смысле образцовыми являются жизненные формы европейской буржуазии. Подобно «горожанам» в коммунах позднего Средневековья и Ренессанса, «буржуазия» в национальных государствах позднего Нового времени — наряду со специфическими для нее моделями исключения и угнетения — выработала

⁵⁰ J. Habermas. Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt/M., 1985. Kap. XII.

еще и модели самоуправления и участия, свободы и терпимости, в которых выражается дух буржуазной эмансипации.

В конце XVIII века такой опыт эмансипации был сформулирован в идеях народного суверенитета и прав человека. Поэтому с эпохи Французской и Американской революций такое постоянное «закрывание» государственно-правовой политической системы проходит в известной степени при условии эгалитарного универсализма, подпитывающегося интуицией включения в систему другого на равных правах. Сегодня это проявляется в вызовах со стороны «поликультурализма» и «индивидуализации». Оба вызова вынуждают нас отказаться от симбиоза конституционного государства с «нацией» как от будущего сообщества, чтобы гражданская солидарность могла обновляться на более абстрактном уровне в духе чувствительного к различиям универсализма. Глобализация как бы принуждает национальное государство внутренне открыться, впустив множество чужих или же новых культурных образов жизни. В то же время она суживает пространство для действий национальных правительств, открывая суверенные государства и вовне, по направлению к международным режимам. Если цикл открывания-закрывания удастся без социально-патологических побочных последствий, то политика, неразрывно связанная с глобализованными рынками, должна будет осуществляться лишь в таких институциональных органах, которые не нарушают условий легитимности демократического самоопределения.

В этом отношении поучительна книга «Великая трансформация». Под этим заглавием Карл Полаanyi опубликовал книгу, изображающую фашизм как выражение неудачной попытки политического «закрывания». Фашизм описывается как отложенная реакция на обвал режима свободной торговли, в основе которой лежала твердая золотая валюта. В качестве историка Полаanyi стремится продемонстрировать, что международная торговля, в значительной степени избавленная от политического регулирования, никоим образом не возникла из спонтанного развития самого рынка. Система свободной торговли в XIX веке, скорее, была политически устроена — под защитой *Rex Britannica*⁵¹. В качестве же антрополога Полаanyi в то же время убежден в том, что такому нерегулируемому экономическому режиму суждено было надолго разрушить «человеческую и природную субстанцию общества» и привести к беззаконию. С другой стороны, тогда, в конце Второй мировой войны, чудовищные последствия тоталитарного закрытия экономически раздробленного общества отчетливо показали необходимость «убрать с рынка такие производственные факторы, как земля, труд и деньги».⁵² Будущее институционализированного капитализма, очерченное Полаanyi в последней главе книги под заглавием «Свобода в сложном обществе», предвосхитило существенные черты послевоенного экономического порядка. В годы опубликования рассматриваемой книги была основана система Бреттон-Вудс, в рамках которой большинство индустриальных стран впоследствии сумели осуществить более или менее успешную политику государства социального благосостояния.

⁵¹ Мировая система, в которой доминировала Британская империя (*лат.*). — *Прим. перев.*

⁵² K. Polanyi. *The Great Transformation*. Frankfurt/M., 1978. P. 333. [Карл Полаanyi. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб., 2002]

Между тем, пришел конец и этому сочетанию удачной политической закрытости с осуществленным политическими методами дерегулированием мировых рынков, и при этом благодаря открытости, которая через финансовые рынки еще раз изменила и международное разделение труда. Динамика новой глобальной экономики объясняет и вновь пробудившийся интерес к исследованной Поланьи динамике мировой экономики.⁵³ А именно: если рассмотренное им «двойное движение» — дерегулирование мировой торговли в XIX веке и ее ререгулирование в XX веке — могло бы служить образцом, то мы снова имеем дело с «великим преобразованием». Во всяком случае, если взять точку зрения Поланьи, то встает вопрос о возможностях политического закрытия обтянутого глобальной сетью мирового сообщества с в высшей степени взаимозависимыми странами, закрытия без регрессии — без всемирно-исторических потрясений и катастроф того типа, который нам известен из первой половины нашего века и который тогда и послужил импульсом для исследований Поланьи.

Правда, новую закрытость следует планировать не как оборону от мнимой «всеподавляющей» модернизации. В противном случае украдкой протаскиваются обращенные в прошлое взгляды аутсайдеров модернизации, которые (пока они еще не впали в отчаяние) лелеют утопические картины какой-то «совершенно примиренческой» жизненной формы. То, что превращает эти романтические, своеобразно трогательные образы в образы «утопии» в дурном смысле — регрессивные черты спроецированной в будущее «нравственности», которая не отдает должное ни освободительному потенциалу общества, застигнутого в состоянии распада, ни сложности новых отношений. От этого не были свободны даже такие весьма решительно приверженные модерну мыслители, как Гегель и Маркс. Так, Гегель в определяющем месте «Философии права» (§ 249 и след.) для определения нравственности разумного государства позаимствовал корпоративные черты из профессионально-сословным образом стратифицированных обществ начала Нового времени: корпорация как «вторая семья». А молодой, пока еще совсем не сентиментальный Маркс оснастил идею свободной ассоциации производителей воспоминаниями о соседских и корпоративных общинах крестьянско-ремесленного мира, которые только что окончательно распались, так как в них вторглось насилие общества конкуренции. Правда, Маркс вскоре обрушился на тот ранний социализм, что еще был связан с тенденцией к «упразднению» солидарных сообществ романтизированного прошлого. В условиях труда, связанных с начавшейся индустриализацией, социально-интегративным силам идущих ко дну запасов традиций предстояло трансформироваться и обрести спасение. Даже в ходе рабочего движения социализм сохранил лик Януса, смотревший назад, в идеализированное прошлое, не меньше, чем вперед, в грядущее, где будет господствовать индустриальный труд.⁵⁴

Умиrotворенное социальным государством индустриальное общество послевоенной эпохи столь же мало способно к преобразению, как и доиндустриальное или раннеиндустриальное общество. То, что Поланьи в конце

⁵³ R. Cox in: Mc Grew (Hg.) (s. Fn 5), p. 53f.

⁵⁴ J. Habermas. Was heißt Sozialismus heute?, in: ders. (s. Fn 31), s. 194f.

войны всего лишь представил себе как будущее социально укрощенного капитализма, сегодня, в дистанцированной ретроспекции, описывается как «организованный», или «первый» модерн, за которым с конца послевоенного периода следует «второй», или «либерально расширенный» модерн. В следующих тезисах избегается всякая ностальгия: «Имея в виду объем и организационную форму человеческой практики... можно говорить об относительной закрытости модерна... Достижения организованного модерна состояли в том, чтобы преобразовать типичные для конца XIX века различные виды неукорененности и неопределенности в новую связную систему практик и ориентаций. Важнейшими понятийными компонентами этой конструкции служили нация, класс и государство, из которых и образовались коллективные идентичности»⁵⁵. «Наигранные» неокорпоративные системы переговоров, урегулированные индустриальные отношения, укорененные в социальной структуре массовые партии, надежно функционирующие системы страхования, небольшие семьи с традиционным разделением труда по половому признаку, нормальные трудовые отношения со стандартизованными трудовыми биографиями образовывали с этой точки зрения фон более или менее стабильного общества, сформированного массовым производством и массовым потреблением.⁵⁶

На этом фоне тенденции к дебиюрократизации государственной службы, к деиерархизации форм организации производства, к детрадиционализации половых и семейных отношений, к деконвенционализации стилей потребления и жизни выглядят в благоприятном свете. Растущая дифференциация форм общения и ментальностей, слабеющие партийные связи избирателей и новое влияние субполитических движений на организованную политику и, прежде всего, растущая автономизация и в то же время индивидуализация устройства личной жизни придают известный шарм постепенному распаду организованного модерна.⁵⁷ Однако же эти позитивно окрашенные рубрики имеют и оборотную сторону: во «флексibiliзации» трудовых биографий кроется дерегулирование рынка труда, повышающее риск безработицы; в «индивидуализации» жизненных путей проявляется вынужденная мобильность, вступающая в конфликт с долгосрочными связями; а в «плюрализации» жизненных форм отражается и опасность фрагментации общества, утрачивающего сплоченность.⁵⁸ При всей осторожности в отношении не критического обращения к достижениям социального государства мы не должны закрывать глаза на издержки его «преобразования» или распада. Можно оставаться чувствительным к нормализующему насилию социальных бюрократий, не закрывая глаза на скандальную цену, какую может потребовать беспощадная монетаризация жизненного мира.

Нет причины, чтобы наивно торжествовать по поводу открытости организованного модерна. В линейном способе повествования, свойственном

⁵⁵ P. Wagner. *Soziologie der Moderne*. Frankfurt/M., 1995.

⁵⁶ См. U. Beck (s. Fn 16), а также U. Beck, A. Giddens, S. Lash. *Reflexive Modernisierung*. Frankfurt/M., 1996.

⁵⁷ U. Beck. *Gegengifte, Die organisierte Unverantwortlichkeit*. Frankfurt/M., 1988; ders. (Hg.). *Kinder der Freiheit*. Frankfurt/M., 1997.

⁵⁸ W. Heitmeyer (Hg.). *Was treibt die Gesellschaft auseinander?* Frankfurt/M., 1997.

теориям постмодерна, новой политической закрытости больше не появляется, поскольку с этой точки зрения политика, т. е. способность к коллективно обязывающим решениям, распадается как таковая, вслед за распадом национального государства. Вместе с национально-государственной организационной формой должна потерять свою основу и политика социального государства, которая якобы свертывается до всего-навсего «управления социальным». Если «ответственность и обязанности индивидов (уже) не соотносятся с отчетливым политическим строем..., то ставится под сомнение возможность самой политики».⁵⁹ Из расплывчатости обществ, организованных как национальные государства, для постмодернизма проистекает «конец политики», на который и возлагает свои упования неолиберализм, каковой по мере возможности стремится передать управляющие функции рынку.⁶⁰ Что для одной стороны вместе с распадом классического мира государств на фоне анархически объединенного в сеть мирового сообщества становится невозможным — политика в мировом масштабе, — то представляется другой стороне нежелательным — политические рамки для дерегулированной мировой экономики. По разным причинам постмодернизм и неолиберализм сходятся во взгляде на то, что жизненные миры индивидов и малых групп, подобно монадам, рассеиваются по протянувшимся на весь мир и функционально скоординированным сетям, вместо того, чтобы взаимно сочетаться на путях социальной интеграции, образуя многослойные и крупные политические единства.

Подобно тому, как в отношении регрессивных утопий закрытости рекомендуется сдержанность, она же рекомендуется и в отношении называющих себя прогрессивными проекций открытости. Скорее, необходима чувствительность к своеобразному балансу между открытостью и закрытостью, который характеризовал наиболее удачные вехи в истории европейской модернизации. Мы сможем принимать вызовы со стороны глобализации лишь разумным путем, если в постнациональной ситуации удастся разработать новые формы демократического самоуправления общества. Поэтому я хотел бы испытать условия для демократической политики за пределами национального государства поначалу на примере Европейского Союза. При этом меня интересуют не мотивы за дальнейшее расширение политического союза или против такого расширения, но обоснованность доводов, какие могут выдвигать как симпатизанты, так и скептики; доводов за риск, сопряженный с постнациональной демократией, или против такого риска. Имеются и другие причины для европейского единения, совершенно не касающиеся вопроса об отделении демократии от форм национально-государственной реализации. Для многих из нас историческая причина играет столь важную роль, что валютный союз делает необратимыми начатую Шуманом,⁶¹ Адена-

⁵⁹ Wagner (s. Fn 51), s. 261.

⁶⁰ J.M. Guéhenno. *Das Ende der Demokratie*. München und Zürich, 1994.

⁶¹ Шуман (Schuman) Робер (1886–1963) — премьер-министр Франции в 1947–1948 годах, министр иностранных дел Франции в 1948–1953 годах. Активный сторонник западноевропейской интеграции. Один из создателей «Европейского объединения угля и стали» (1951), послужившего прообразом Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС). — *Прим. ред.*

уэром⁶² и Де Гаспери⁶³ политику примирения – и вплетенность Германии в Европейское сообщество. Однако же, в дальнейшем речь идет только о причинах сказать «за» или «против» Европейскому Союзу как первой структуре постнациональной демократии.⁶⁴

IV

В зависимости от степени одобрения постнациональной демократии, я хотел бы выделить четыре позиции: евроскептиков, еврорыночников, еврофедералистов и сторонников некоего «global governance». Евроскептики считают введение евро принципиально неверным, либо по крайней мере преждевременным. Еврорыночники приветствуют единую валюту как необходимое следствие завершения построения внутриевропейского рынка, но хотят этим ограничиться. Еврофедералисты стремятся к преобразованию международных договоров в своего рода политическую конституцию, чтобы наделить наднациональные решения Еврокомиссии, Европейского Совета министров, Европейского Суда и Европарламента собственной легитимационной основой. От них опять-таки отличаются представители космополитической позиции, которые рассматривают союзное государство Европы в качестве исходного базиса для учреждения основанного на международных договорах режима будущей «мировой внутренней политики». Эти позиции представляют собой результат отношения к заранее выделенным вопросам. Я рассмотрю четыре позиции для того, чтобы обсудить перспективы, по существу, важнейших предварительных вопросов.

Прежде всего (а), речь идет о тезисе о конце трудового общества. Если оплачиваемый труд в рамках нормальных отношений занятости утрачивает свою структурообразующую силу для всего общества, то политическая цель восстановления «общества полной занятости» оказывается уже недостаточной. Однако же реформы, идущие дальше, в границах одной-единственной страны теперь едва ли реализуемы. Они требуют координации посредством переговоров и действий на наднациональном уровне. Вместе с европейским единением (b) стародавний спор о социальной справедливости и эффективности рынка вступает в новую фазу. Неолибералы убеждены в том, что если рынки, а тем более учрежденные в глобальном масштабе, способствуют эффективности экономики, то в тем большей степени они удовлетворяют пожеланиям о справедливости при распределении. В противном случае выбор еврорыночками свободного союза продолжающих существовать национальных государств, интегрированных лишь горизонтально через единый рынок, утрачивает свою убедительность. В-третьих (с), речь идет о вопросе о том, сумеет ли Евросоюз

⁶² Аденауэр (Adenauer) Конрад (1876–1967) – в 1917–1933 годах – обер-бургомистр Кельна, в 1920–1932 годах – председатель прусского Государственного Совета. После Второй мировой войны – федеральный канцлер ФРГ в 1949–1963 годах, председатель Христианско-демократического союза в 1946–1966 годах. – *Прим. ред.*

⁶³ Де Гаспери (De Gasperi) Альчиде (1881–1954) – лидер итальянской Христианско-демократической партии с 1944 года, в 1945–1953 годах – глава правительства Италии. – *Прим. ред.*

⁶⁴ E. Grande. Postnationale Demokratie – Ein Ausweg aus der Globalisierung? W. Fricke, E. Fricke (Hg.). Jahrbuch für Arbeit und Technik. Bonn, 1997. S. 353–367.

вообще компенсировать утрату национально-государственных компетенций. Для проверки я рассмотрю измерение социальной политики, воздействующей на перераспределение. Этот вопрос способности к действиям находится во взаимной связи с еще одним, который в любом случае надо аналитически выделять (d): образуют ли политические сообщества коллективную идентичность за пределами нации и могут ли они тем самым удовлетворять условиям легитимности для постнациональной демократии? Если оба этих вопроса не найдут утвердительного ответа, то европейское союзное государство невозможно. При этом отпадет основа для чаяний, устремленных дальше.

Рубрики, которые я предлагаю для названий этих тем, в лучшем случае могут показать, что этой дискуссии недостает прозрачности, и могут установить распределение бремени доказывания. Лишь в дополнение к ним можно было бы оценить «космополитическую» позицию, которая сфокусирована на новой политической закрытости экономически раскрепощенного мирового сообщества.

(a) Наблюдавшаяся во всех индустриальных обществах тенденция к повышению производительности труда продолжилась и в обществах постиндустриальных. Прогрессирующая рационализация, как правило, сопровождается единственным в своем роде передвижением трудящегося населения из первичного сектора во вторичный и третичный и, наконец, в четвертичный сектор научного и информационного сообщества. Часто повторявшиеся прогнозы, будто из этого обязательно возникнет «технологическая безработица», на ранних фазах процесса не подтвердились. При всех перипетиях — до середины 1970-х годов — потери рабочих мест компенсировались сочетанием сокращения рабочего времени с появлением новых рабочих мест. Однако же, с середины 1970-х годов в большинстве стран ОЭСР мы наблюдаем отделение экономического роста от состояния занятости. 18 млн. безработных по официальной статистике Евросоюза являются результатом процесса, оставившего после всякого обусловленного конъюнктурой промышленного подъема более высокий уровень безработицы. Другие страны, как, например, США или Великобритания, благодаря открытости сектора с низкой заработной платой лучше удовлетворяли спрос на простые услуги. Но зато сброшенная с общества на индивидов динамика обнищания и маргинализации имеет своим последствием усиление государственных репрессий, и в первую очередь она подрывает государственные стандарты общественной солидарности.

Феномены растущего социального неравенства объяснялись различными причинами и, прежде всего, концом кейнсианства и обострением конкуренции в глобальном масштабе, ускорившим рационализированное инвестирование. Пол Кеннеди вычислил, какими будут резервы рабочей силы, которые могут обнаружиться в грядущие десятилетия в Азии, Латинской Америке и других регионах благодаря тому, что инвестиционный капитал становится подвижным. Правда, другие причины высвобождения рабочей силы невозможно поставить в безоговорочную связь с глобализацией. В большинстве обществ ОЭСР предложение рабочей силы безусловно возросло благодаря растущему стремлению женщин зарабатывать деньги, а также в связи с увеличивающейся иммиграцией гастарбайтеров, беженцев по причине нищеты и т. д. Поскольку здесь вмешиваются жизненные потребности, избыточное предло-

жение на рынках труда регулируется не через обычные для товарных рынков механизмы приспособления к большинству. Это тоже объясняется особым характером «товара рабочая сила». Кроме того, определенную роль играют локальные обстоятельства и экономико-политические упущения, к примеру, негибкое государственное управление, недостаточная квалификация рабочей силы или же замедленное приспособление к структуре. И еще ущерб конкурентоспособности с последствиями, отражающимися на занятости, могут нанести отсутствие фантазии у менеджеров, недостаточная организация производства, отсутствие инноваций в сфере исследований и разработок или же недостаточная обратная связь между промышленностью и наукой.

Оценка тезиса о «конце общества полной занятости» (Вобруба), очевидно, зависит от того, какое значение мы придаем всем этим причинам. Оценка варьирует не просто в зависимости от правого или левого выбора. Если «Комиссия по вопросам будущего свободных государств Баварии и Саксонии» под председательством Мейнхарда Мигеля исходит из того, что нам в ФРГ придется считаться с высоким процентом безработицы, то «Комиссия по вопросам будущего при фонде Фридриха Эберта» приходит к выводу, что оплачиваемый труд, как прежде, останется «ключевым элементом общественной интеграции», даже если изменится характер последней «вместе с образом профессии, стабильной на протяжении всей жизни».⁶⁵ Ожидаемая непрерывность структур трудового общества избавляет политику от задачи радикальной перестройки системы распределения. При некоторых обстоятельствах даже бывает достаточным, если государство становится активным в национальных рамках, чтобы улучшить рамочные условия использования капитала.

Ситуация кардинально изменится, если мы откажемся от политической цели достижения полной занятости. Приняв это условие, можно попытаться понизить существующие стандарты справедливости при распределении, чтобы в большей или меньшей степени ликвидировать социальное государство, рассматриваемое как результат «неправильного развития». Или же можно сориентироваться на альтернативы, за которые в любом случае придется расплачиваться: например, на радикальное перераспределение свернутого объема оплачиваемого труда⁶⁶, или на участие более широких слоев во владении капиталом⁶⁷, или же на отделение основного государственного дохода, находящегося выше уровня социальной помощи, от доходов, связанных с оплачиваемым трудом.⁶⁸ Радикальные перераспределения такого рода не только на-

⁶⁵ Zukunftskommission der Friedrich-Ebert-Stiftung (s. Fn 17), s. 225ff. Stiftung (s. Fn 17), s. 225ff.

⁶⁶ G. Grötzinger. Drei wirtschaftspolitische Ziele, drei semi-autonome Institutionen, in: Wirtschaftswissenschaftliche Diskussionsbeiträge, Nr. 8, Flensburg 1998.

⁶⁷ Scharpf (s. Fn 42), s. 247ff.

⁶⁸ То, что Г. Вобруба (Ende der Vollbeschäftigungsgesellschaft, in: Zeitschrift f. Sozialreform, 44, 1998, s. 77–99), S. 88, говорит по поводу идеи социализма акционеров, можно в другой плоскости соотнести с выравнивающим сочетанием нескольких источников дохода: «Все эти подходы сводятся к тому, чтобы устранить существовавшее до сих пор личное соотношение представителей групп населения с общественными источниками дохода и позициями интересов. Проще говоря: если капитализм победил, то все должны стать именно капиталистами-акционерами, чтобы быть причастными к пользованию плодами этой победы. Если зависимой оплачиваемой деятельности в качестве источника дохода уже недостаточно, то ее следует дополнить прибылью с капитала».

талкиваются на сопротивление со стороны интересов, ценностных ориентаций и отношений собственности; они едва ли могут осуществляться, оставаясь нейтральными по отношению к затратам или к конкуренции, т. е. в национальных рамках. В течение 1970-х годов дискуссии об основном доходе и о двойной экономике проводились, исходя из того, что национальное государство может предпринять общественную перестройку под собственным руководством. Однако же, после изменения глобальных рыночных условий стало ясно, что инновативные ответы на «конец трудового общества» вызывают необходимость координированных действий на наднациональном уровне.

(b) Упомянутая неолиберальная альтернатива касается старой контроверзы по поводу отношений между социальной справедливостью и рыночной эффективностью. Для прояснения этого почтенного спора о догмах я вряд ли смогу внести что-то новое. Следует считаться с тем, что широкомасштабно дерегулированный рынок труда и приватизация попечения о больных, стариках и безработных способствуют возникновению убогих сред на грани прожиточного минимума в сфере низких доходов и нестабильных отношений занятости. Даже если бы при этом большинство довольных и не слишком довольных оказалось бы удовлетворено тем, что (в том числе отстраненный от политического процесса) остаток безнадежно «излишнего» населения будет препоручен репрессивному государству в качестве проблемы внутренней безопасности и попечения о бедных, то вынужденная десолидаризация останется, словно заноза, во плоти политической культуры.⁶⁹ Чтобы чрезвычайно обостренные социальные различия в гражданском обществе сделать нормативно приемлемыми, функционального оправдания недостаточно. Поэтому неолиберализм принимает в качестве нормативной теории бремя доказывания для сильного тезиса, согласно которому эффективные рынки гарантируют не только оптимальное соотношение затрат и прибыли, но и социально справедливое распределение. Тем самым возникают два вопроса. Каким нормативным ожиданиям должны удовлетворять эффективные рынки? И как на самом деле должны функционировать рынки с такой эффективностью, чтобы от них можно было бы ожидать нормативно приемлемого распределения хотя бы в упомянутом — как будет продемонстрировано — умеренном смысле?

Неолиберализм кладет в основу своего главного нормативного допущения понятие справедливости обмена, выведенное согласно процедурной модели договорного права. При обменной операции прибыль, доход или выигрыш — т. е. то, что кто-то получает — находятся в «эквивалентном» отношении к тому, что этот кто-то вносит, т. е. к затратам, предложению или вложению, как раз тогда, когда соглашение, т. е. согласие обеих сторон, вступает в силу при известных стандартных условиях: стороны должны обладать одинаковой свободой и решать, исходя из собственных предпочтений. Рынок, который (вместе с денежными средствами) институционализируется через равные и свободные частные права — в особенности, благодаря свободе договоров и правам собственности, — гарантирует метод эквивалентного обмена, являющегося в указанном смысле справедливым, если и поскольку та-

⁶⁹ Agnew and Corbridge (s. Fn 12), 201f.

кой рынок фактически — в строго нормативном смысле одинаковой для всех частной свободы — способствует «свободной» конкуренции. При этом вознаграждение согласно выполненной работе представляет собой особый случай этой справедливости при обмене, связанной с предположением о взаимно допускаемой свободе от произвола.

Рассматриваемое понятие свободы сопряжено с нормативно умеренной концепцией личности. Понятие «личности, принимающей рациональные решения», не зависит как от понятия моральной личности, которая может обязать свою волю посредством понимания того, что лежит в сфере соразмерных интересов всех, с кем она имеет дело, — так и от понятия гражданина республики, который на равных правах принимает участие в публичной практике самостоятельного законодательства. Неолиберальная теория считается с субъектами частного права, которые в пределах свободы действий, допускаемой законом, согласно собственным предпочтениям и ценностным ориентациям «делают и допускают, что им угодно». У них нет необходимости быть взаимно друг в друге заинтересованными, т. е. у них нет морального чувства социальных обязательств. Юридически требуемое соблюдение частных свобод, гарантируемых всем конкурентам, представляет собой нечто иное, нежели равномерное уважение человеческого достоинства каждого конкурента.

С «обществом частного права» неолиберализм считается еще и в том отношении, что потребительная стоимость гражданских свобод исчерпывается пользованием частной автономией. Государственный аппарат наделен инструментальной задачей — соответствовать коллективно обязывающим решениям по мере совокупных предпочтений граждан общества. И хотя демократический процесс служит защите одинаковых для всех частных свобод, к последним, однако, не добавляется еще одно измерение свободы — политическая автономия. Неолиберализм не воспринимает республиканскую идею самостоятельного законодательства, в соответствии с каковым частная и гражданская автономия взаимно друг друга предполагают. Он отгораживается от интуиции, считающей, что граждане свободны лишь в том случае, если адресаты права в то же время могут считать себя и авторами права.

Это двойное нормативное сокращение, предпринимаемое неолиберализмом в выборе своих основных понятий, может объяснить известное отсутствие озабоченности вопросами социальной справедливости — ту установку, колеблющуюся между терпимостью, равнодушием и цинизмом, которая в Германии зачастую сочетается с пессимистической антропологией совершенно иного происхождения. Правда, рынки могут удовлетворять даже таким редуцированным нормативным ожиданиям лишь в случае, если они — согласно моделям допущений — будут фактически работать «эффективно». Мне нет необходимости вдаваться здесь в подробности известных возражений.⁷⁰ Рынки справедливо восхваляются за то, что они сочетают эффективную и экономичную передачу информации со стимулом к целесообразной обработке информации. Но эту функцию принципиально ограничивает нечувствительность по отношению к внешним расходам; к тому же, рынки глу-

⁷⁰ Ebd., 222ff.

хи к информации на всяком языке, что не является языком цен. В остальном реальные рынки выполняют функцию ценообразования лишь весьма несовершенным образом, поскольку они, как правило, не удовлетворяют идеальным требованиям к свободной конкуренции. Наконец, уравнивающая сила рынка, которая должна подчинить произведенное всеми его участниками беспристрастной мерке, терпит крах в силу очевидного обстоятельства, что люди (как мы их знаем) никоим образом не обладают равными шансами участия в рыночном процессе и получении прибылей. Реальные рынки воспроизводят — и увеличивают — заранее имеющиеся сравнительные преимущества, касающиеся предприятий, денежных средств и конкретных лиц.

(с) Из неолиберального выбора желательности дерегулированных рынков проистекает склонность к единому европейскому рынку и общей денежной политике независимого центрального банка. Напротив того, социал-демократический выбор государственного регулирования, которое должно создать рамки для эффективных рынков и упразднить несоответствие между социальной справедливостью и рыночной эффективностью, зачастую связывается с евроскептической установкой. Неолиберальный и социал-демократический выборы расходятся в вопросе о том, в состоянии ли Европейский Союз вообще брать на себя существенные задачи национального государства. Этому вопросу зеркально соответствует вопрос, какой политической свободой действий все еще располагают национальные правительства.

Евроскептики исходят из того, что в национальных государствах сложились различные конфигурации неэкономических практик, институтов и менталитетов, которые придают всякой локальной экономике особые очертания и в значительной степени определяют ее шансы на успех в глобальной конкуренции. Это допущение опирается на то направление в исследованиях, что занимается институциональной укорененностью национальных систем производства ради упразднения абстракций неоклассической экономики.⁷¹ Очевидно, при той или иной данной рыночной конъюнктуре имеется не «единственный правильный» путь к благоприятному с точки зрения затрат сочетанию рабочей силы, капитала и сырья: «Social systems of production vary not only in the ways firms approach profits, but also in the degree to which they attempt to maximize (a) criteria of allocative efficiency or X-efficiency considerations, (b) social peace and egalitarian distribution consideration, (c) quantity vs. quality aspects of production, and (d) innovation in developing new products versus innovation in improving upon existing products.»⁷² [Общественные системы производства различаются не только по способам подхода фирм к прибылям, но еще и по степени, в которой они стремятся максимизировать (а) критерии эффективности капиталовложений или же соображения об эффективности X, (b) социальный мир или соображения по поводу эгалитарного распределения, (c) количественный или качественный аспект производства и (d) новаторство в разработке новых изделий или новаторство в совершенствовании существующих изделий.] С этой точки зрения, к примеру, Комиссия по вопросам будущего при фонде имени Фридриха Эберта разработа-

⁷¹ J. R. Hollingworth; R. Boyer. *Contemporary Capitalism*. Cambridge, 1997. P. 1–48.

⁷² Ebd. P. 37.

ла для Германии как экономического региона такой профиль, который (вместо неолиберальной стратегии снижения затрат) рекомендует государственное поощрение локально-специфических преимуществ.⁷³

Правда, впечатляющий каталог исходных пунктов для национальной политики реформ (совершенствование инновативных способностей, развитие человеческих ресурсов, модернизация управления, низкокзарплатный сектор, в котором создаются терпимые условия посредством отрицательных подоходных налогов) не имеет отношения к тому факту, что упомянутые процессы глобализации урезают налоговые ресурсы и уменьшают пространства для активной политики роста и обеспечения занятости, тем самым заводя в тупик социальную политику. Поэтому евроскептики не могут удовлетворяться отменой поблекших добродетелей национального государства. Они меняют тактику и спрашивают, может ли Евросоюз вообще обрести способность к политическим действиям, каковую утратили национальные государства в их еврофедеральном варианте. Не подлежит оспариванию густая сеть постановлений, которой тем временем Европейская Комиссия, Европейский Совет министров и – в немалой степени – Европейский Суд опутывают государства – члены Евросоюза. Ибо общеевропейская политика, с самого начала преследующая цель обеспечить свободное передвижение товаров и услуг, капитала и людей, решительно вмешивается во множество политических сфер.⁷⁴ Это относится даже к социальной политике. Например, Евросоюз принял важные социальные законы, касающиеся равенства женщин, тогда как Европейский Суд вынес более трехсот социально-правовых решений, чтобы сделать национальные режимы благосостояния совместимыми с внутренним рынком Европы. Однако же, эти поправки к законам не касаются способов налогообложения, финансирования и распределения, которые устанавливаются совершенно по-разному, в зависимости от устройства и уровня достижений значительно друг от друга отличающихся социально-политических режимов стран Евросоюза.

Если же страны Евросоюза вследствие валютного союза и из-за единой европейской денежной политики утратят дальнейшие макроэкономические возможности налогообложения, тогда как внутриевропейская конкуренция в очередной раз усилится, то следует ожидать проблем гораздо большей серьезности. Страны с высокими социальными стандартами страшатся опасности уравниловки снизу; страны со сравнительно слабой социальной защитой опасаются, что из-за введения более высоких социальных стандартов они лишатся преимуществ в сфере затрат. Европа стоит перед альтернативой: либо справиться с давлением проблем с помощью рынка – благодаря конкуренции между социально-политическими режимами, остающимися в национальной компетенции; либо парировать давление проблем политическим путем, стараясь достичь «гармонизации» в важных вопросах социальной политики, политики трудового рынка и налоговой политики. Мне нет необходимости подробно пересказывать дискуссию экспертов.⁷⁵ Но по сути речь идет о том, в

⁷³ Zukunftskommission der Friedrich-Ebert-Stiftung (s. Fn 17), s. 76ff.

⁷⁴ F.W. Scharpf. Optionen des Föderalismus in Deutschland und Europa. Frankfurt/M., 1994.

⁷⁵ St. Leibfried; P. Pierson (Hg.). Standort Europa. Europäische Sozialpolitik. Frankfurt/M., 1998.

состоянии ли европейские институты на пути к негативной интеграции всего лишь согласовывать между собой национальные интересы так, чтобы возникали новые рынки; или же они обладают также способностью в духе позитивной интеграции выносить решения, корректирующие рыночные порядки, и принимать постановления, имеющие редистрибутивное воздействие. Ибо наряду с финансовой стабильностью, уровень занятости и экономический рост являются конкурирующими хозяйственно-политическими целями одного порядка, к которым в случае необходимости следует продвигаться, создавая конкуренцию независимому центральному банку.⁷⁶

Скептическая сторона опирается на историческую очевидность двух провалившихся попыток дополнить европейскую политику социальным измерением, а также направить европейское сообщество по социально-политическому пути, превратив его в федеративное государство.⁷⁷ Вольфганг Штреек рассматривает коалиции и стратегии, которые очень скоро редуцировали такие честолюбивые попытки гармонизации к сообразной рынку цели устранения препятствий для мобильности между национальными рынками труда. В противовес ему, противоположная сторона делает упор на интерес, свободу действий и сравнительную независимость европейских властей по отношению к национальным правительствам, на процессуальную зависимость политического курса от некогда принятых формулировок, а также на трудноразрешимость самих проблем, которые нуждаются в урегулировании и переплетаются во все более густую сеть.⁷⁸ К тому же, еврооптимисты могут сослаться на то, что Евросоюз в других областях, если даже и в скромном объеме, давно осуществляет активную политику перераспределения – перераспределение между секторами посредством общей аграрной политики, а также перераспределение между регионами благодаря применению структурного фонда.

Дискуссия вроде бы сводится к тому, что правота не принадлежит ни одной из сторон – ни неореалистам, которые наделяют способностью к «формообразующей» политике лишь национальное государство; ни неофункционалистами, которые ожидают в известной степени «автоматического» развития внутриевропейского рынка в федеративное государство: «Будущее европейской социальной политики зависит не от того, нуждается ли внутренний европейский рынок в институционализации..., но от того, может ли Европа как политическая система мобилизовать необходимые политические ресурсы, чтобы возложить на могущественных участников Евросоюза обязанности по перераспределению в пределах рынка».⁷⁹ Валютный союз – это последний шаг на том пути, который хотя и был проторен инициаторами проекта с далеко идущими упованиями, но который ретроспективно можно трезво охарактеризовать как «межправительственную организацию рынка». Сегодня

⁷⁶ Grözingen (s. Fn 59).

⁷⁷ W. Streeck. Von Binnenmarkt zum Bundesstaat? Überlegungen zur Politischen Ökonomie Politischen der Europäischen Sozialpolitik, in: Leibfried; Pierson (Hg.) (s. Fn 68), s. 377ff.

⁷⁸ P. Pierson, St. Leibfried. Zur Dynamik sozialpolitischer Integration: Der Wohlfahrtsstaat in der europäischen Mehrebenenpolitik, in: Leibfried und Pierson (Hg.) (s. Fn 68), s. 425.

⁷⁹ Streeck, (s. Fn 70), 391.

достигнут уровень, когда густая горизонтальная сеть, наброшенная на рынок, дополнена относительно слабым политическим регулированием, осуществляемым гораздо более слабо легитимированными органами власти. Динамика европейского объединения может превзойти этот уровень лишь в том случае, если еврофедералисты – по сравнению с желаемым еврорыночными *status quo* – запланируют такое будущее для Европы, которое окрылит фантазию и вызовет оказывающий широкое воздействие драматичный публичный спор на общую тему на различных национальных аренах.

(d) Политическую альтернативу рыночной Европе, замороженной в неолиберальном формате, можно защищать от ожидаемых экономических возражений, используя аргумент, что европейское экономическое пространство в целом благодаря густому региональному сплетению торговли с прямыми инвестициями обладает еще сравнительно значительной независимостью от глобальной конкуренции. Но даже если будет иметься экономическое пространство для способной к политическим, т. е. в том числе и к политико-экономическим действиям, Европы, то расширение Евросоюза до уровня федеративного государства будет зависеть от еще одного условия: «Усиление управляемости европейских институтов немыслимо без расширения их основы, т. е. их формальной демократической легитимности.»⁸⁰ Если Европа должна быть способной к действиям на уровне интегрированной многоуровневой политики, то прежде всего граждане Европы (что обозначено только благодаря их общему паспорту) должны – невзирая на национальные границы – научиться взаимно признавать друг друга в качестве членов одной и той же государственно-политической системы: «ни намеренно, ни по результату» они не должны «подозревать представителей других европейских наций в нанесении ущерба “нашим” интересам.»⁸¹

Конечно, схему конституции национального федеративного государства, например, Федеративной республики Германии, нельзя переносить на имеющее федеративную конституцию многонациональное государство размером с Евросоюз.⁸² Невозможно и нежелательно выравнивать национальные идентичности государств-членов Евросоюза, создавая единый сплав «европейской нации». Даже в европейском союзном государстве вторая палата, состоящая из представителей правительств, будет, по сути дела, обладать большим могуществом, нежели непосредственно избранный парламент народных представителей, – потому что определяющие на сегодняшний день элементы переговорного процесса и многосторонних соглашений между государствами – членами Евросоюза не могут бесследно пропасть и в союзе, имеющем политическую конституцию. Ведь позитивно скоординированная и оказывающая перераспределительное влияние политика должна осуществляться посредством общеевропейского демократического волеизъявления, а последнее не может существовать без какой-то солидарной основы.

⁸⁰ C. Offe. *Demokratie und Wohlfahrtsstaat* (Ms. 1998), s. 27.

⁸¹ Ebd. S. 22.

⁸² E. Grande. *Demokratische Legitimation und europäische Integration*, in: *Leviathan*, 1996, s. 339–360. R. Schmalz-Bruns. *Bürgergesellschaftliche Politik – ein Modell der Demokratisierung der Europäischen Union*, in: K.D. Wolf (Hg.). *Projekt Europa im Übergang?* Baden-Baden, 1997. S. 63–90.

До сих пор ограничивавшаяся национальным государством гражданская солидарность должна распространиться на граждан Евросоюза таким образом, чтобы, к примеру, шведы и португальцы были готовы постоять друг за друга. Лишь тогда от них можно ожидать приблизительно одинаковых минимальных зарплат, да и вообще равных условий для индивидуальных и по-прежнему национальных жизненных проектов. Следующие шаги по направлению к общеевропейской федерации связаны с чрезвычайным риском, поскольку один процесс должен опираться на другой: повышение способности к политическому действию должно продвигаться вместе с расширением легитимационной основы европейских институтов.

С одной стороны, социально-политического ущерба, возникающего из-за соревнования по дерегулированию экономики между национальными «командами», можно избежать лишь благодаря мнимо неполитическому контролю со стороны некоего центрального банка, если общеевропейская финансовая политика будет дополнена совместной налоговой, социальной и хозяйственной политикой, которые окажутся достаточно мощными, чтобы предотвратить национальную изоляцию с негативным воздействием третьей стороны. Это делает необходимым передачу дальнейших прав суверенитета европейскому правительству, тогда как национальные государства могли бы оставаться, по сути, в прежних, определяемых постановлениями, границах компетенций, от которых не следует ожидать побочных эффектов, связанных с вмешательством во «внутренние» дела других государств — членов Евросоюза. Иными словами, Евросоюз следует перестроить с до сих пор существующей основы международных договоров на «хартию» типа основного закона. С другой стороны, переход от межправительственных соглашений к обладающему конституцией политико-правовому образованию должен осуществляться не только через совместный процесс демократической легитимации, выходящий за рамки определяемых для каждой нации избирательных прав и национально сегментированной публичности, — но и через общую практику формирования общественного мнения и волеизъявления, укорененную в европейском гражданском обществе и развертывающуюся на общеевропейской арене. Это условие легитимации для постнациональной демократии, очевидно, сегодня еще не выполнено. Евроскептики сомневаются в том, что его вообще можно выполнить.

Во всяком случае, аргумент, согласно которому нет общеевропейского народа, а значит, не существует и общеевропейской законодательной власти⁸³, приобретает характер фундаментального возражения лишь в силу определенного употребления понятия «народ».⁸⁴ Прогноз о том, что ничего напоминающего общеевропейский народ никогда не будет существовать, можно было бы назвать убедительным лишь в случае, если бы формирующая солидарность сила «народа» фактически зависела от дополитического базиса до-

⁸³ D. Grimm. Braucht Europa eine Verfassung? (Carl Friedrich von Siemens Stiftung). München, 1995.

⁸⁴ См. мое примечание к Дитеру Гримму: Habermas (s. Fn 6), s. 185ff.; см. также: G. Delanty. Models of Citizenship: Defining European Identity and Citizenship, in: Citizenship Studies, I, 1997, s. 285–304.

верия, присущего «зрелому» сообществу, которое представители народа как бы получают в наследство вместе со своей социализацией. Даже Клаус Оффен обосновывает свое скептическое соображение той предпосылкой, что готовность граждан препоручить себя риску перераспределительного социального государства невозможно объяснить без этой аскриптивной солидарности с одним «из нас». Лишь дополитическая общность национальной судьбы может влиять подобно узам и вызывать «доверие авансом»; эти узы и это доверие объясняют, отчего граждане, исполненные собственных интересов, ставят собственные предпочтения ниже требований государственной власти, которая «налагает обязанности». Но правильно ли мы описали этот нуждающийся в объяснении феномен?

Существует примечательное несоответствие между слегка архаическими чертами «потенциала обязательств» готовых к самопожертвованию товарищей по судьбе и нормативным самопониманием современного конституционного государства как свободной ассоциации лиц, подчиняющихся одному и тому же праву [Rechtsgenossen]. Примеры с воинской, налоговой и школьной повинностями дают картину демократического государства как, в первую очередь, властей, обязывающих подвластных их господству лиц к жертвенности. Но картина эта плохо подходит к культуре Просвещения, нормативное ядро которой состоит в том, чтобы упразднить мораль публично ожидаемой от граждан *sacrificium*⁸⁵. Граждане демократического правового государства воспринимают себя и друг друга как авторов закона, которому они обязаны подчиняться в качестве его адресатов. В позитивном праве, в отличие от морали, обязанности считаются чем-то вторичным; они проистекают исключительно из совместимости прав каждого с равными правами всех остальных. Из этих предпосылок невозможно без дополнительных условий обосновать воинскую обязанность (и смертную казнь). Налоговая повинность вытекает из решимости создать средствами позитивного и императивного права такой политический строй, который будет гарантировать, в первую очередь, субъективные права. Наконец, так называемая школьная повинность зиждется на основном праве детей и молодежи на приобретение основных квалификаций, и государство в интересах носителей основных прав в случае необходимости обязано реализовывать это право даже вопреки воле противящихся родителей.

От меня не ускользнул подобный Янусу лик «нации», как первой современной — пока еще подпитывающейся проекциями в будущее — коллективной идентичности. Он варьирует между воображаемой «природностью» нации-народа и юридической конструкцией нации граждан. Но западно- и северо-европейские, а также центрально- и центрально-восточноевропейские пути возникновения национального государства — *from state to nation vs. from nation to state*⁸⁶ — свидетельствуют о сконструированном, об опосредованном массовой коммуникацией характере этой новой формации идентичности. Национальное самосознание обязано своим возникновением как мобилизации лиц, имеющих право голоса, для политической публичной жизни, так и

⁸⁵ Жертвенности (лат.). — Прим. перев.

⁸⁶ От государства к нации или от нации к государству (англ.). — Прим. перев.

мобилизации военнообязанных для защиты отечества. Оно связано с эгалитарным самопониманием граждан демократического государства и исходит из коммуникативной связи через прессу и из дискурсивно смягченной борьбы политических партий за власть. В этом контексте, создающем новые условия, национальное государство развивается до «крупнейшего из известных социальных союзов, от которого до сих пор можно было требовать жертв, связанных с перераспределением».⁸⁷ Однако же, как раз искусственные условия возникновения национального самосознания говорят против пораженческого допущения того, что гражданская солидарность между чужими может установиться лишь в границах нации.⁸⁸ Если же такая форма коллективной идентичности совершила богатый последствиями скачок в абстрагировании от местного и династического к национальному и демократическому сознанию, то почему бы этому «учебному процессу» не продолжиться?

Указанная форма изменения социальной интеграции, разумеется, не произойдет сама собой через функциональную интеграцию, осуществляемую благодаря хозяйственным взаимозависимостям. Даже если — против ожидания — европейскому внутреннему рынку и общеевропейской денежной политике суждено стабилизироваться без политической поддержки, посредством равномерного роста и снижения безработицы, то такой системной динамики без дополнительных факторов будет недостаточно, чтобы, так сказать, исподтишка способствовать возникновению культурного субстрата для взаимного национального доверия. Для этого необходим другой сценарий, согласно которому различные антиципации будут взаимно поддерживать и стимулировать друг друга в циклическом процессе. Некая общеевропейская хартия предвосхитит изменчивые компетенции такой конституции, что начнет функционировать лишь тогда, когда фактически будет наличествовать проторенный этой конституцией демократический процесс. Этот легитимационный процесс должен осуществляться с помощью общеевропейской системы партий, которая в состоянии сформироваться лишь по мере того, как существующие политические партии сначала проведут на своих национальных аренах дискуссии о будущем Европы, а затем сформулируют интересы, переходящие через национальные границы. Эта дискуссия должна опять-таки найти резонанс среди политической общности всей Европы; такой резонанс, в свою очередь, предполагает европейское гражданское общество с объединениями по интересам, негосударственными организациями, гражданскими движениями и т. д. Однако же, транснациональные СМИ в состоянии установить такую многоязычную коммуникативную связь лишь в том случае, если (что сегодня уже характерно для малых наций) национальные системы образования будут заботиться о формировании совместного (иностранного) языкового базиса. И нормативные движущие силы, которые в одно и то же время пускают в ход эти разнобразные процессы из разрозненных национальных центров, не смогут существовать без пересекающихся проектов формирования совместной по-

⁸⁷ Offe (s. Fn 73), s. 46.

⁸⁸ E.W. Böckenförde. *Welchen Weg geht Europa?* (Carl-Friedrich von Siemens Stiftung). München, 1997. S. 37.

литической культуры.⁸⁹ Эти проекты, тем не менее, могут возникнуть на том историческом горизонте, где уже находятся граждане Европы.

Дело в том, что учебный процесс, который должен привести к расширению европейской солидарности, располагается на линии специфически европейского опыта. С конца Средневековья развитие Европы сильнее, чем развитие других культур, характеризуется расколами, ссорами и напряженностью — из-за соперничества между церковной и светской властью, из-за региональной раздробленности политического господства, из-за противоречий между городом и деревней, из-за конфессионального раскола и глубокого конфликта между верой и знанием, из-за конкуренции великих держав, из-за имперских отношений между «метрополиями» и колониями, а, прежде всего, из-за ревности и войн между нациями. Эти острые, зачастую смертельно обострявшиеся конфликты — в более благоприятные моменты — служили также стимулами для децентрализации «собственных» точек зрения, поводами к рефлексии над предвзятостью и к дистанцированию от предвзятости, мотивом для преодоления партикуляризма, для освоения толерантных форм обхождения и для институционализации дискуссий. Такой опыт с успешными формами социальной интеграции сформировал нормативное самопонимание европейского модерна, тот эгалитарный универсализм, что может облегчить нам — сынам, дочерям и внукам варварского национализма — переход к отношениям требовательного признания постнациональной демократии.

V

Европейское федеративное государство на основе своего расширенного хозяйственного базиса и в лучшем случае скалярных эффектов общей валюты будет добиваться, к примеру, преимуществ в глобальной конкуренции. Однако же, создание таких крупных политических единиц ничего не меняет в модели конкуренции между территориями как таковой, т. е. в модели оборонительных альянсов против остального мира. С другой стороны, наднациональные организации такого рода все-таки отвечают условию, необходимому для того, чтобы политика соответствовала уровню глобализованных рынков. Поэтому может сформироваться по крайней мере одна группа акторов, способных к действиям в глобальном масштабе, которые в принципе были бы способны не только к радикальным соглашениям, но и к их выполнению. В заключение я хотел бы подробно рассмотреть вопрос, могут ли эти политические акторы так укрепить первоначально обладающую жесткой структурой сеть транснациональных соглашений в рамках ООН, что смена курса по направлению к мировой внутренней политике окажется возможной без мирового правительства.

Существующие на европейском уровне координационные проблемы еще больше обостряются на глобальном уровне. Поскольку негативная координация действий, совершаемых в силу неконтролируемости, требует хотя бы незначительных затрат на их исполнение, либерализация мирового рынка

⁸⁹ Импульсы со стороны левых, побуждающие к такой дискуссии, пока слабы: см. P. Gowan, P. Anderson (Hg.). *The Question of Europe*. London, 1997.

могла бы осуществиться, тем более — под гегемонистским давлением США; мог бы заработать международный экономический режим, навсегда упраздняющий торговые барьеры. Внешние последствия производства вредных веществ и переходящие через государственные границы риски, связанные с технологией крупного производства, даже привели к созданию организаций и практик, берущих на себя регулятивные задачи. Но для глобальных постановлений, которые не только требуют позитивной координации действий различных правительств, но и вмешиваются в существующую модель распределения, барьеры (пока) слишком высоки.

В свете недавних кризисов в Мексике и Азии, конечно же, возрастает интерес к тому, как избежать биржевых крахов; интерес к более строгому регулированию кредитных сделок и валютных спекуляций. Критические процессы на международных финансовых рынках способствуют осознанию потребности в какой-то институционализации. Да и глобализованное рыночное обращение требует правовой безопасности, т. е. действующих в транснациональном масштабе эквивалентов для известных гарантий буржуазного частного права, которые государство предоставляет инвесторам и торговым партнерам в национальных рамках: «Deregulation can be seen as negotiating on the one hand the fact of globalization, and, on the other, the ongoing need for the guarantees of contracts and property rights for which the state remains as the guarantor of last instance.»⁹⁰ [Дерегулирование можно считать, с одной стороны, переговорами относительно факта глобализации, а с другой его можно считать продолжающейся необходимостью давать гарантии относительно контрактов и прав собственности — и ответственным в последней инстанции за все это остается государство]. Но на основе стремления к государственному регулированию будь то объединенных в глобальную сеть финансовых рынков или же городских инфраструктур и служб, которыми вынуждены пользоваться транснациональные предприятия, еще нельзя сделать никаких выводов о способности и готовности государств к принятию постановлений, корректирующих рынок.⁹¹ Национальные правительства, которые вряд ли еще могут оказывать воздействие средствами макроуправления на их тем временем денационализированное «народное хозяйство», должны в наличных условиях глобального соревнования ограничиться повышением привлекательности их страны, т. е. условий локального использования капитала.

⁹⁰ S. Sassen. *Globalization and its Discontents*. New York, 1998. S. 199.

⁹¹ См. Sassen (ibid., 202f.): «A focus on place, and particularly the type of place I call 'global cities', brings to the fore the fact that many of the resources necessary for global economic activities are not hypermobile and could, in principle, be brought under effective regulation... A refocusing of regulation onto infrastructures and production complexes in the context of globalization contributes to an analysis of the regulatory capacities of states that diverges in significant ways from understandings centered on hypermobile outputs and global telecommunications.» [Концентрация на местах, и особенно на типе мест, который я называю «глобальными городами», выводит на передний план тот факт, что многие из ресурсов, необходимых для глобальной экономической деятельности, не являются гипермобильными и, в принципе, могут поддаваться эффективному регулированию... Вторичная концентрация регулирования экономики на инфраструктурах и производственных комплексах в контексте глобализации способствует анализу регулятивных способностей государств, и анализ этот существенным образом отличается от подхода, сфокусированного вокруг гипермобильного производства и глобальной телекоммуникации].

Иное качество присуще воздействию на модус самой межтерриториальной конкуренции. В сегодняшних условиях невозможно объединиться даже по поводу единого мирового налога на спекулятивную прибыль. Тем более трудно представить себе организацию, постоянную конференцию или какой-нибудь метод, на основе которых, к примеру, правительства стран ОЭСР могли бы сплотиться в единых рамках с целью выработки национальных налоговых законодательств. Международная система переговоров, ограничивающая «race to the bottom»⁹² — соревнование по понижающей расходу дерегуляции, которая сужает пространства для социально-политических действий и приносит вред социальным стандартам — должна иметь силу, способствующую принятию постановлений по перераспределению средств. Тем не менее, радикальная политика такого рода в рамках Евросоюза, который, несмотря на свой многонациональный состав и сильные позиции национальных правительств, обретает качество государства, все-таки мыслима. Но на глобальном уровне недостает ни способности мирового правительства к политическим действиям, ни соответствующей легитимационной основы. ООН — свободное сообщество государств. Ему недостает свойства сообщества граждан мира, которые могли бы с ощутимыми последствиями легитимировать политические решения на основе демократического образования общественного мнения и демократического волеизъявления, тем самым способствуя их выполнению. Сомнительна уже желательность такого мирового государства. Спекуляции по поводу порядка, обеспечивающего мир во всем мире, коими философия занимается, начиная со знаменитого предложения аббата Сен-Пьера (1729) до наших дней, как правило, приводят к предостережениям от деспотического мирового господства.⁹³ Но взгляд на ситуацию, функцию и конституцию мировой организации учит, что это опасение беспочвенно.

Сегодня ООН объединяет государства, которые проявляют громадные различия по количеству и плотности населения, по статусу легитимности и уровню развития. На пленарных заседаниях каждое государство располагает одним голосом, тогда как состав Совета Безопасности и право голоса членов Совета Безопасности должны учитывать фактические отношения власти. Устав ООН обязывает национальные правительства к соблюдению прав человека, к взаимному уважению суверенитета каждой страны и к отказу от применения военной силы. С криминализацией наступательных войн и преступлений против человечности субъекты международного права утратили общую презумпцию невиновности. Объединенные Нации, однако же не располагают ни постоянным Международным уголовным судом (подготовка к созданию которого все-таки сейчас идет в Риме), ни собственными вооруженными силами. Но ООН может налагать санкции и вручать мандаты на проведение гуманитарных интервенций.

ООН возникла после Второй мировой войны с непосредственной целью предотвращения дальнейших войн. Функция обеспечения мира с самого на-

⁹² Бег на дно (англ.). — Прим. перев.

⁹³ D. Archibugi. Models of International Organization in Perpetual Peace Project, in: Review of International Studies, 18, 1992, p. 295–317.

чала была связана с попыткой политического осуществления прав человека. К вопросам предотвращения войн между тем добавились проблемы безопасности окружающей среды. Но как в нормативной основе Декларации прав человека ООН, так и в концентрации на вопросах безопасности в более широком смысле проявляется отчетливо отграниченное функциональное требование, которому, не обладая монополией на власть, отвечает эта всемирная организация: во-первых, замирение войн, гражданских войн и государственной преступности; во-вторых, предотвращение гуманитарных катастроф и рисков в мировом масштабе. В связи с указанным ограничением задач элементарного поддержания порядка из амбициознейшей реформы существующих институтов не может возникнуть мировое правительство.

Апологеты «космополитической демократии»⁹⁴ преследуют три цели: во-первых, придание политического статуса гражданам мира, которые принадлежат к всемирной организации не только при посредничестве своих государств, но еще и через избранных ими представителей в некоем мировом парламенте; во-вторых, учреждение располагающего обычными компетенциями международного уголовного суда, приговоры которого обязывают в том числе и национальные правительства; и, наконец, возведение Совета Безопасности на уровень исполнительной власти, способной к действиям.⁹⁵ Даже таким образом усиленная и действующая на расширенной легитимационной основе международная организация, однако же, могла бы стать более или менее эффективной лишь в ограниченных областях компетенции: в политике, реагирующей на проблемы безопасности и прав человека, а также в профилактической политике по отношению к окружающей среде.

Ограничение элементарными задачами поддержания порядка объясняется не только пацифистскими мотивациями, коим рассматриваемая всемирная организация обязана своим возникновением. Дело в том, что для более далеко идущих задач у всемирной организации отсутствует базис и по легитимационным причинам. От сообществ, организованных на государственной основе, любая всемирная организация отличается условием всеобщей включенности — она не может никого исключить, поскольку не позволяет проводить социальных границ между внутренним и внешним. Любое же политическое сообщество — по крайней мере, в случае, если оно считает себя демократическим — обязано отличать своих членов от тех, кто ими не является. Аутореференциальное понятие коллективного самоопределения характеризует логическое место, занимаемое демократически объединенными гражданами как членами особого политического сообщества. Даже если такое сообщество, руководствуясь универсалистскими принципами, образует государство с демократической конституцией, оно формирует коллективную идентичность таким образом, что оно истолковывает и реализует эти принципы в свете истории этой идентичности и в контексте ее жизненной формы. Такого этико-политического самопонимания граждан опре-

⁹⁴ D. Held. *Democracy and the Global Order*. Cambridge, 1995. P. 267–287.

⁹⁵ D. Archibugi. *From the United Nations to Cosmopolitan Democracy*, in: D. Archibugi, D. Held (Hg.). *Cosmopolitan Democracy. An Agenda for a New World Order*. Cambridge, 1995. P. 121–162; D. Held. *Democracy and the New International Order*. Ebd. P. 96–120.

деленной демократической государственно-правовой системы и недостает инклюзивному сообществу граждан мира.⁹⁶

Если же граждане мира все-таки сумеют организовать на глобальном уровне и даже создать демократически избираемое представительство, они смогут почерпнуть свою нормативную сплоченность не из этико-политического самопонимания, т. е. выделяющегося на фоне других традиций и ценностных ориентаций, но единственно из самопонимания морально-правового. Нормативной моделью для такого сообщества, которое существует без возможности исключения, служит универсум моральных личностей — Кантово «царство целей». Поэтому никоим образом не случайно в космополитическом сообществе нормативные рамки формируются одними лишь «правами человека», т. е. правовыми нормами исключительно морального содержания.⁹⁷ Тем самым еще не проясняется, может ли Декларация прав человека, относительно формулировок которой пришло к соглашению в 1946 году лишь сравнительно небольшое количество стран, основавших ООН, найти в достаточной степени удовлетворяющие всех интерпретацию и применение и в сегодняшнем поликультурном мире. Я не могу здесь вдаваться в подробности межкультурного дискурса о правах человека.⁹⁸ Но и всемирный консенсус по поводу прав человека не может служить обоснованием строгого эквивалента гражданской солидарности, возникшей в национальных рамках. Если государственная гражданская солидарность коренится каждый раз в особой коллективной идентичности, то солидарность между гражданами мира должна опираться единственно на выраженный в правах человека моральный универсализм.

По сравнению с активной солидарностью граждан государства, которая среди прочего сделала возможной перераспределительную политику государства благосостояния, солидарность между гражданами мира сохраняет реактивный характер потому, что она обеспечивает космополитическую сплоченность, в первую очередь, через аффекты возмущения по поводу нарушений прав, т. е. государственных репрессий и посягательств на права человека. Инклюзивное, но организованное в пространстве и времени правовое сообщество граждан мира, разумеется, отличается от универсального сообщества моральных личностей, которые неспособны к организации и не нуждаются в ней. С другой же стороны, оно не может достичь сравнительно жесткой степени интеграции государственным образом организованного сообщества с собственной культурной идентичностью. Я не вижу препятствий структурного типа для расширения национальной гражданской солидарности и политики государства благосостояния в масштабе постнационального федеративного государства. Но политической культуре мирового

⁹⁶ Правда, космополитическое самосознание могло бы принять более конкретную форму посредством отграничения во временном измерении — через стилизацию дистанционности настоящего от национально-государственного прошлого.

⁹⁷ Habermas (s. Fn 6), 220-226.

⁹⁸ Ch. Taylor. A World Consensus on Human Rights? in: Dissent, Summer 1996, p. 15–21; J. Habermas. Remarks on Legitimation through Human Rights, in: Philosophy & Social Criticism, p. 157–172; а также: Th. A. McCarthy. On Reconciling Cosmopolitan Unity and National Diversity (Ms. 1998); см. pp. 169–191.

сообщества недостает этико-политического измерения, которое было бы необходимым для соответствующей глобальной общности и образования глобальной идентичности. Здесь возникают сомнения, выдвигающиеся не-аристотеликами уже против национального, а тем более – против европейского конституционного патриотизма. Поэтому космополитическое сообщество граждан мира не дает достаточной основы для мировой внутренней политики. Институционализация методов голосования по интересам в мировом масштабе, мирового обобщения интересов и изобретательной формулировки общих интересов не может происходить в организационной структуре мирового государства. Проекты «космополитической демократии» должны ориентироваться на другую модель.

Политику, которая должна «прирастать» к глобальным рынкам и изменять модус межтерриториальной конкуренции, невозможно расположить на верхнем этаже многоуровневой политики, организованной в целом в рамках «мирового государства». Она должна будет свершаться на менее претенциозной легитимационной основе в негосударственных организационных формах, имеющихся для других сфер политики уже сегодня. В общем, соглашения и процедуры такого рода способствуют компромиссам между самостоятельно решающими акторами, располагающими потенциалами санкций, чтобы создавать возможность для реализации чьих-либо интересов. В рамках сообщества, имеющего политическую конституцию и организованного как государство, такое формирование компромиссов крепче сцеплено с методами консультативной политики, и поэтому единение происходит не только с помощью направляемого властью сбалансирования интересов. В контексте совместно разделяемой политической культуры партнеры по переговорам могут использовать также и общие ценностные ориентации и представления о справедливости, способствующие взаимопониманию, выходящему за рамки целерациональных соглашений. Но на международном уровне такая плотная коммуникативная «запрессовка» отсутствует. Что же касается формирования «чистых» компромиссов, которое по сути отражает черты классической властной политики, то его для учреждения мировой внутренней политики недостаточно. Конечно же, методы, связанные с межправительственными соглашениями, работают не только в зависимости от заданных конфигураций власти; нормативные рамочные условия, ограничивающие выбор риторических стратегий, структурируют переговоры так же, как, например, их структурирует влияние «epistemic communities»,⁹⁹ каковым иногда даже удается (как сегодня в случае с неолиберальным экономическим режимом) добиться в мировом масштабе насквозь пронизанного нормами фонового консенсуса по вопросам, якобы решаемым научным путем. Глобальные и способные к действиям державы действуют уже не в «природной» ситуации классического международного права, а на среднем уровне всемирной политики, которую мы застаем при ее возникновении.

Эта политика представляет собой диффузную картину – не статический образ многоуровневой политики в рамках какой-то мировой организации, но динамический образ интерференций и взаимодействий между политическими процессами, своевольно протекающими на национальном, международ-

⁹⁹ Эпистемических сообществ (англ.). – Прим. перев.

ном и глобальном уровне. Системы международных переговоров, делающие возможными соглашения между государствами-акторами, с одной стороны, связаны с внутригосударственными процессами, от которых зависит любое конкретное правительство, но с другой стороны, они встраиваются в рамки и в политику всемирной организации. Итак, для мировой внутренней политики без мирового правительства мы имеем, по меньшей мере, одну перспективу — если предположить, что сумеем внести ясность по двум проблемам. Одна проблема носит принципиальный характер, другая — эмпирический. Как (а) мыслима демократическая легитимация решений за пределами государственной организационной схемы? И при каких условиях (b) самопонимание акторов, оперирующих в мировом масштабе, может измениться так, чтобы государства и наднациональные режимы все больше воспринимали себя в качестве членов единого сообщества, которые вынуждены к безальтернативному учету взаимных интересов и к пониманию общих интересов?

(а) В либеральной, как и в республиканской традиции, политическое участие граждан понимается в сугубо волюнтаристском смысле: все должны иметь равные шансы на то, чтобы действенно проявлять свои предпочтения или же обязывающим образом выражать собственную волю — будь то ради того, чтобы преследовать свои частные интересы (Локк), или же для того, чтобы добиться пользования политической автономией (Дж. Ст. Милль). Однако же, если мы наделим демократическое волеизъявление еще и эпистемической функцией, то преследование собственных интересов и осуществление политической свободы получит еще одно измерение — публичное использование разума (Кант). И тогда демократическая процедура будет черпать легитимирующую силу уже не только — и даже не столько — из участия и волеизъявления, но из общедоступности консультативного процесса, чьими свойствами обосновывается ожидание рационально приемлемых результатов.¹⁰⁰ Такое понимание демократии в духе теории дискурса изменяет теоретические требования к условиям легитимности демократической политики. И не то, чтобы функционирующая публичность, качественные консультации, доступность и дискурсивная структура образования общественного мнения и волеизъявления полностью заменяли общепринятые процедуры принятия решений и создания представительства. Но акценты сдвигаются с конкретного воплощения суверенной воли в личностях и актах выбора, в избирательных куриях и голосах — к процедурным требованиям к процессам коммуникации и принятия решений. Однако тем самым ослабевает понятийное скрепление демократической легитимации знаковыми формами государственной организации.

Мнимо слабые формы легитимации предстают тогда в ином свете.¹⁰¹ Так, например, институционализованное участие неправительственных организаций в консультациях международных систем переговоров повышало бы легитимацию процедур по мере того, как этим способом удавалось бы сделать процессы принятия транснациональных решений, располагающиеся на среднем уровне, прозрачными для национальной общественности соот-

¹⁰⁰ J. Habermas. Drei normative Modelle der Demokratie, in: Habermas (s. Fn 6), s. 277–299.

¹⁰¹ A. Linklater. Cosmopolitan Citizenship, in: Citizenship Studies, 2, 1998, s. 23–41.

ветствующих стран и создать обратную связь этих процессов с процессами принятия решений, располагающимися на нижнем уровне. Если учитывать теорию дискурса, то интересно также предложение наделить всемирную организацию правом — каждый раз требовать от государств-членов проведения референдумов на важные темы.¹⁰² Таким образом — как в случае с саммитами ООН по загрязнению окружающей среды, по равноправию женщин, по спорным толкованиям прав человека, по нищете в глобальном масштабе и т. д. — будет обязательно достигнута хотя бы тематизация по нуждающимся в урегулировании вопросам, каких никто не воспримет без таких публичных «инсценировок» и которые не попадут ни в одну политическую повестку дня.

(b) Однако вторичное политическое закрытие экономически раскрепощенного мирового сообщества будет возможно лишь в том случае, если державы, которые вообще способны к глобальным действиям, будут прибегать к институционализованной процедуре транснационального волеизъявления еще и в отношении сохранения социальных стандартов, а также устранения чрезмерных социальных дисбалансов. Они должны быть готовыми к тому, чтобы расширить собственные перспективы за рамки «национальных интересов» до точек зрения «global governance». Однако смену перспектив с «международных отношений» к мировой внутренней политике невозможно ожидать от правительств, если население их стран само не осуществит у себя такое изменение самосознания. Поскольку же правящим элитам приходится добиваться на своих национальных аренах одобрения их политики и перевыборов, их не следует наказывать за то, что они действуют уже не с позиций национальной независимости, а методом кооперации в космополитическом сообществе. Инновации не смогут осуществиться, если политические элиты не найдут резонанса в предварительно реформированных ценностных установках населения своих стран. Если же самопонимание правительств, способных к действиям в глобальном масштабе, происходит лишь под давлением изменившегося климата внутренней политики, то решающий вопрос состоит в том, может ли в гражданских обществах и у политической общественности режимов, объединившихся на обширных территориях; может ли здесь в Европе и в Федеративной республике Германии сформироваться сознание граждан мира — в известной степени сознание вынужденной космополитической солидаризации.

Регулирование мирового сообщества до сих пор не приняло облика даже примерного проекта, проекта, разъясненного на примерах. Первые адресаты такого проекта — не правительства, а граждане и гражданские движения. Но социальные движения кристаллизуются лишь в случаях, если для разрешения конфликтов, ощущающихся как бесперспективные, открываются нормативно удовлетворительные перспективы. Формулировка той или иной ориентации является также задачей политических партий, которые еще не полностью отстранились от гражданского общества, забаррикадировавшись в политической системе. Партиям, не цепляющимся за статус-

¹⁰² Сообщение Джейми Карни (Jamie Carnie. Structure for a Democratic World Government. Ms., 1998).

кво, нужна перспектива, выходящая за пределы последнего. А статус-кво сегодня есть не что иное, как водоворот модернизации, которая ускоряется сама собой и остается под собственным контролем. У политических партий, которые все еще приписывают себе способность оформления политики, должно хватать мужества для предвидения еще и других задач. А именно – в рамках национального пространства действий – единственного, где они могут актуально действовать – они обязаны предвосхищать то, что произойдет в общеевропейском пространстве действий. Общеевропейское же пространство они опять-таки должны открывать с двойкой целью: создать социум Европы, которая окажется весомой для космополитической чаши весов.